

Марэк Мариуш Тытко
Краков, Польша

МАЙОР, ПРОФЕССОР СТЕФАН ШУМАН В БОЯХ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ (1939–1945)

Введение

В статье представлено участие майора Стэфана Шумана в деле борьбы за независимость в период II Мировой войны (в сентябрьской кампании 1939 г., тайном учении, конспирационной науке и подземной культуре, деятельность в ZWZ-AK (Союзе вооруженной борьбы Армии Крайовэй), главным образом, в акции «Буря») в контексте близкой ему польской национально-освободительной среды того времени (в том числе членов семьи). До сих пор в историографии не было целостной, соответствующей литературы на тему судьбы С. Шумана в период Второй Мировой войны. За исключением отдельных предложений (например, в словарных или энциклопедических статьях) и воспоминаний его дочери – Гражины из Шуманов Чижевичовой, а также кроме спорадических коротких заметок на полях в статьях, посвящённых его личности, никто из исследователей целостно, основываясь на источники, не собрал этого фрагмента биографии майора (1939–1945). В этой статье сделано попытку в некоторой мере восполнить пробел, полностью представляя этот вопрос. Фрагмент биографии С. Шумана, который касается его участия в военной кампании 1919–1920гг. опубликован в другом издании [1].

Автор статьи опирался на документальные источники. В случае цитирования некоторых писем или приведения фактов, отсутствующих в официальных источниках – опирался на трёхтомные воспоминания авторства дочери Шумана – Гражины Чижевич¹ [2, т. 1, с. 5],

¹ В предисловии Г. Чижевич отметила: «Не пишу истории семьи Шуманов [...]. Не делаю также документальной работы. Я пишу семейное по-

существующие всего лишь в нескольких трудно доступных экземплярах, большей частью представляющих собственность семьи.

Следует отметить, что Стефан Шуман выразительно подчёркивал своё польское происхождение: «Я родом из старомещанской гданьской семьи, которая в XVIII в. ополячилась и в это же время изменила написание фамилии Schuman на Szuman» [3, с. 2]. Польское происхождение семьи Шуманов не подлежит сомнению на протяжении нескольких столетий. Согласно семейной традиции, прапрадед Стефана Шумана – Ян Шуман – установил в конце XVIII в. польское написание фамилии [2, т. 1, с. 13]. Это имеет значение для понимания патриотизма С. Шумана, проявляющегося также в период Второй мировой войны действиями, направленными против немцев. Отец Стефана – доктор медицины Леон Шуман – был известным польским патриотическим и общественным деятелем в Торуне на переломе XIX–XX в., что также несомненно повлияло на патриотизм его сына².

Стефан Шуман был назначен майором Польского Войска в августе 1920 г., однако о назначении был проинформирован лишь после варшавской битвы, под конец месяца. С этим званием перешел в начале 1922 г. в резерв³. В центральном войсковом архиве в Варшаве – Рембертове – сохранилась информация о личном деле Стефана Шу-

вестование, основанный на письмах, дневниках и услышанных рассказах, обозначая как можно бережнее собственную линию нарратора, а потом наглядного свидетеля событий» [2, т. 1, с. 5].

² Стефан Шуман (1889–1972) окончил немецкую королевскую реальную гимназию в Торуне (1908), изучал медицину во Вроцлавском университете (1908) и в университете Людвика Максимилиана Баварского в Мюнхене (1911–1913). Стажировался в клиниках Мюнхена и Вюрцбурга (1913–1914), защитил с отличием докторскую диссертацию в Мюнхенском университете 23 XII 1914 г., получив ступень доктора медицинских наук. Включенный в состав немецкой армии в 1914 г. в качестве доктора, служил на фронте с января 1915 по декабрь 1917 г. В ночь 30 XI на 1 XII 1917 г. был тяжело ранен в знаменитой битве под Cambrai и попал в больницу. После выздоровления получил отпуск, потом был направлен в ХанOVER, где исполнял функции хирурга в военном госпитале в ханOVERской цитадели. В декабре 1918 г. был отправлен в Торунь, где работал в клинике своего отца – д-ра медицины Леона Шумана, до мая 1919 г. (в то время эта клиника имела статус немецкого военно-гарнизонного госпиталя). Из немецкой армии ушел в звании капитана. 20 мая 1919 г. в Торуне, в то время еще под властью Германии, был конспиративно принят в состав Войска Польского в звании капитана. В Ночь с 31 мая на 1 июня 1919 г. перебрался через зеленую границу около Торуня в Польшу, чтобы поступить в Войско. В Войске Польском служил в 1919–1921 гг. Участвовал в польско-большевистской войне 1919–1920 как капитан-врач, осуществляя руководство военными больницами.

³ Опознан в группе врачей корпуса санитарных офицеров по старшинству 1 июня 1919 г. (См об этом: Rocznik oficerski rezerw. – Warszawa, 1934, с. 214).

мана и его брата – поручика кавалерии Ежи Шумана⁴. Информацию о братьях Шуманах подаёт также *Rocznik oficerski rezerw* (1934)⁵.

Стефан Шуман незадолго до начала Второй мировой войны

Для ориентации следует кратко изложить ситуацию профессора, габилитированного доктора наук С. Шумана незадолго до начала Второй мировой войны. Последние месяцы независимости Второй Речи Посполитой перед 1 сентября 1939 г. в жизни Шумана его личные связи, тогдашнюю атмосферу можно наметить только в общих чертах в связи со скупостью источников. Шуман получил степень доктора медицинских наук в университете Людвика Максимилиана Баварского в Мюнхене (1914), а также степень доктора философских наук в области педагогики и психологии в Познаньском университете.

9 июня 1939 г. профессор С. Шуман был назначен членом Польской академии наук в Кракове [4, с. 149]. Это важно, потому что ученый участвует в секретных совещаниях Польской академии наук после начала войны. Интересно, что в тот же день член-корреспондентом Польской академии наук был принят профессор доктор Богдан Наврочинский, рецензент докторской диссертации Шумана (1925 г.).

В конце июня 1939 г. София Шуман перенесла операцию на желчном пузыре. Оперировал ее профессор Ян Кароль Глятцель [2, т. 2, с. 229], который в то время руководил Клиникой Хирургии Ягеллонского университета, знакомый С. Шумана. Об этом следует вспомнить, поскольку состояние здоровья жены отчасти спасло жизнь С. Шуману несколькими месяцами позднее, во время так называемого *Sonderaktion Krakau* (о чем ниже)⁶.

Стефан Шуман до войны дружил с профессором Адамом Зджиславом Хейдлем, юристом (в 1939 г. – деканом юридического факультета Ягеллонского университета) [2, т. 2, с. 231]. В июле 1939 г. Гражина Шуман провела каникулы во дворце брата профессора Хейдла в Гардженицах (около Чепелёва) под Радомом. Профессор Хей-

⁴ Стефан Шуман (CAW, AP 10913) и Ежи Шуман (CAW, AP10915; MN 25.01.1933). Журнал CAW 1156/2014 от 17 июня 2014 г., направленный автору этой статьи.

⁵ Стефан Шуман оставался в то время в запасных кадрах 5 окружной больницы в Кракове (См.: *Rocznik oficerski rezerw*. – Warszawa, 1934, с. 763), подпоручик Ежи Болеслав Шуман (род. 7.07.1893), который принадлежал в то время к повятовому военкомату в городе Познань, был распределен в 16 уланский полк.

⁶ Как интересную подробность можно сообщить, что в июне 1939 г. профессор Шуман читал вслух жене в больнице после операции «Тома Сойера» Марка Твена, поскольку «считал [...] этот роман одной из лучших книг» [2, т. 2, с. 230–231].

дель был австрийским бароном, однако считал себя поляком. 6 ноября 1939 г. был арестован в Ягеллонском университете во время так называемого Sonderaktion Krakau и вывезен немцами в лагерь в Захзенхаузен, потом погиб в немецком концлагере в Освенциме [2, т. 3, с. 28] после отказа подписания volkslisty.

В августе 1939 г. Шуман с дочерью Гражиной поехал в Рухочиц, в поместье, бывшее с недавних пор собственностью его шурина – Казимира Плечинского⁷ (вдовца по Марии Плечинской из дома Шуман). В это же время успел посетить свою родную сестру Ирину Козловскую в Дульске – около Иновроцлава.

Однако военная атмосфера накалялась. В конце августа 1939 г. Гражина Шуман была свидетельницей встречи своего отца с профессором Михаилом Марьяном Седлецким, который вскоре погиб в немецком концлагере в Захзенхаузен. По воспоминаниям Гражины, «под памятником Николая Коперника на Плантах в Кракове они обсудили ситуацию. Оба не питали доверия к распространяемой тогда нашей, польской “великодержавности”. Профессор Седлецкий видел будущее в черных красках» [2, т. 2, с. 233]. Трудно судить, насколько тот разговор, состоявшийся незадолго до начала Второй мировой войны, повлиял на решение Шумана, который отправил жену Софию и дочь Гражину из Кракова в село в более безопасное место, ожидая начала военных действий, представляя при этом возможные последствия пребывания в Кракове.

После этого разговора, по воспоминаниям дочери, «в последние дни августа [в 1939 г.], накануне войны, папочка, на всякий случай, выслал нас с мамой в село Гошицы» [2, т. 2, с. 233]. Об этом же Гражина упоминает в другом источнике: «Незадолго до начала войны мы очутились с мамой в Гошицах под Краковом, у тети Софии Керновой [2, т. 3, с. 6].

Впоследствии Гражина Чижевич напишет о своем отце: «Мой отец на протяжении всего межвоенного двадцатилетия вообще не играл в политику, хотя боролся за Польшу и в войне, предшествующей Второй мировой, и во Второй мировой непосредственно», обозначит и его политическую позицию: «Мой отец не был так называемым “piśsudczykiem” (пилсудчиком)» [2, т. 2, с. 194–195].

Сентябрьская кампания 1939 года

День 1 сентября 1939 г. застал Софию и Гражину Шуман в подкраковских Гошицах [2, т. 3, с. 6]. Из воспоминаний дочери учено-

⁷Это была последняя встреча С. Шумана с владельцем Рухочиц, который умер весной 1945 г., сразу же после выступления советских войск. Похоронен в семейной гробнице в Шрэме [2, т. 3, с. 79].

го следует, что начало войны провела там также дочь обладательницы поместья Анна Гоншёровска, с недавнего времени жена Георгия Туровича. Первые военные воспоминания из Гошиц, это описание изможденных отрядов польских войск, торопливо проходящих запорошенной дорогой вдоль изгороди парка. «Мы подаем солдатам помидоры – огромное количество помидоров из щедрого, осеннего урожая. Порою какая-то группа останавливается на минуту на улице. Я помню молодого польского офицера, под которым упал конь. Анна Туровичова дарит ему собственного коня и седло. Тот офицер вскоре погибнет в следующем столкновении с немцами. Подходят следующие отряды» [2, т. 3, с. 6].

Из рассказов пани Чижевич следует, что в небольшой гошицкой усадьбе в начале сентября 1939 г. совсем не осталось мужчин: «Мы остаемся одни, – женщины и дети. Польских войск уже нет, немецких еще нет. В течение нескольких дней ничего не происходит. Потом тревожное сообщение, о том, что подходят немцы. Тогда во внезапном порыве кто-то из молодежи садится к роялю и играет „Jeszcze Polska nie zginęła!” (“Еще Польша не погибла”!)» [2, т. 3, с. 6–7].

6 сентября 1939 г. части Вермахта вступили в Краков. Немецкий комендант города увел полицейский час и приказал отдать всевозможное оружие и амуницию.

Служебная квартира Шумана в профессорском доме на аллее Словацкого, 15 перешла без его согласия в руки немецкого оккупанта вместе с очень ценными произведениями искусства (в т. ч. многочисленными рисунками Виткация, который был приятелем Шумана и которому профессор посвятил свою конспиративную статью, о чем ниже) [2, т. 3, с. 8–9].

Об участии С. Шумана в сентябрьской кампании информации мало. Можно предположить, что эвакуированный вместе с Пятой Окружной Больницей, он очутился на Люблинской земле. Известно лишь, что с началом сентября 1939 г. Шуман организовал перевязочный пункт в Хшанове, в околицах Люблинского Янова, где как хирург в течение шести недель лечил раненных солдат [2, т. 3, с. 7]. Стоит отметить также, что в сентябрьской кампании с польской стороны участвовали и другие мужчины из семьи профессора Шумана. Его будущий зять Збигнев Чижевич сражался против немцев в битве под Коцком под командованием генерала Франциска Клиберга и был свидетелем украинского геноцида в Шацке, где украинцы повесили также кузена С. Шумана – Зигмунда Дробника [2, т. 3, с. 8].

Судьбы С. Шумана и З. Чижевича (поручика времён войны) тесно переплелись между собой позже, во время службы в Самостоятельном Партизанском Батальоне «Скала» АК в 1944 г.

Когда Стефан Шуман перевязывал раненных в Хшанове, его брат-ксьендз, прелат Генрих Шуман остался в сентябре 1939 г. вместе с верной своей паствой в Старограде на Поморье. Согласно свидетельству сестры С. Шумана Ванды, ксьендз Генрих предчувствовал собственную смерть, когда в конце августа 1939 г. сказал ей: «Времени мало. Я приехал с Вами попрощаться. Я этой войны не переживу. Свой приход добровольно не оставлю, бежать я не буду [...] Война будет страшной. Враг накроет Европу всей лапой. Будьте мужественны. Благословляю вас» [2, т. 3, с. 10]. Кроме того, ксьендз Шуман в последнем письме к Ванде, написал: «Знай, что брат твой был бы счастлив, если бы ему было дано умереть за веру. Но я прошу Бога, чтобы мука долго не длилась, потому что я слаб физически и нервы имею истрепанные» [2, т. 3, с. 10]. Начало войны застало ксьендза-прелата в Старограде Гданьском. Согласно сохранившимся данным Генрих Шуман «в конце сентября [1939] должен был оставить Староград по поручению немецких властей, поскольку был известен своей патриотической деятельностью еще со времен предыдущей войны. Генрих не хотел скрываться, следовательно, отправился в приход в Фордоне (теперь участок Быдгощи –М.Т.). Был там арестован Гестапо во время молитвы около алтаря и расстрелян на ступеньках костела вместе с бургомистром, викарием и другими гражданами города. Перед смертью воскликнул: «Да здравствует Христос! Да здравствует Польша!» Было это 2 октября 1939 г. [2, т. 3, с. 10]. Ксендз-прелат Генрих Шуман погиб мученической смертью за католическую веру и Отчизну [5, с. 324–325]. В 1994 г. в Польше начался информационный процесс. 17 сентября 2003 г. в Варшаве было официально проинформировано о начале процесса беатификации ксьендза Шумана и 121 человек (польских жертв немецких оккупантов) [6]. Следует обо всём этом по возможности вспомнить, повествуя о судьбе Стефана Шумана во время Второй мировой войны. Очень важно знать, из какой патриотической и католической семьи он происходил, и какие огромные заслуги перед Отчизной имела его семья. Что же касается С. Шумана, то, вероятно, в первой половине октября 1939 г. он вернулся в Краков [2, т. 3, с. 7].

Операция Sonderaktion Krakau (Арест краковских профессоров)

6 ноября 1939 г. С. Шуман находился в Гошицах, благодаря чему избежал ареста в рамках так называемого Sonderaktion Krakau, когда немцы коварно завлекли профессоров Ягеллонского университета в Collegium Novum под видом лекции, после чего заключили их в тюрьму и вывезли в концлагерь. С. Шуман спустя несколько лет вспоминал об этом дне:

«Благодаря тому, что я находился у товарищей в селе, меня не было на том фатальном заседании, созванном немцами в Ягеллонском университете, из ко-

тогого коварно и грубо профессоров вывезли в концлагерь. Некоторые из них, особенно старшие, вскоре умерли» [7, с. 89].

Более подробно о причинах отсутствия ученого 6 ноября 1939 г. в Кракове в Collegium Novum написала дочь С. Шумана:

«Мой отец избежал ареста благодаря неожиданному стечению обстоятельств; хотел присутствовать на объявленном организационном собрании с участием немецких властей, но получил из Гошиц тревожный телефонный звонок, с просьбой немедленно приехать, поскольку моя мама внезапно заболела [...]. В любом случае, папа, таким образом, был спасен от ареста и возможной смерти в лагере» [2, т. 3, с. 8].

Немецкая акция, так называемая Sonderaktion Krakau, стала причиной ареста многих лиц из числа приятелей и семьи С. Шумана. Были среди них в т. ч., его сосед с пр. Словацкого, 15 – полонист профессор, доктор Игнаций Хшановский (умер в немецком лагере в Organienburgu в 1940 г.), профессор Михаил Шедлецкий (умер в лагере в Захсенгаузен), профессор, доктор Адам Хейдель (погиб в немецком концлагере Освенциме), доктор Ян Мошев, скрипач струнного камерного коллектива, играющий в Кракове перед началом войны на так называемых «szumaniadach» (концертах, организованных С. Шуманом) также профессор, доктор Генрих Хойер (дядя С. Шумана) [2, т. 3, с. 9].

Работа в Ягеллонском университете, С. Шуман еще до войны был наставником многих преподавателей, многие из которых погибли от рук немцев. Профессор вспоминал о своих учениках-педагогах, убитых оккупантами во время Второй мировой войны [7, с. 89–90]. Одним из убитых учеников был Михаил Подгородецкий (погиб в концлагере Освенцим), довоенный ассистент профессора Владислава Хайнриха, которого С. Шуман также учил [8, с. 398].

Пребывание С. Шумана в Гошицах в 1939–1940 гг.

Оккупация коснулась С. Шумана и его ближайшей семьи. Стоит вспомнить, что 9 марта 1940 г. в Познани на ул. Почтовой, 23 немцы выселили из квартиры сестру С. Шумана – Ванду (1890–1994), заслуженного педагога, позже сотрудницу Главного Опекунского Совета. Согласно информации, предоставленной ее племянницей, Гражиной Чижевич, во время выселения из познанской квартиры Ванды Шуман и ее воспитанницы – Казимиры Беньковской имела место следующая ситуация: «[...] эскортирующий её немец обратился к тете „Sind Sie braw” – “Госпожа отважна!”. Потом прибавил, что с такой фамилией могла бы остаться в Познани, если бы подписала volkslist. Тогда тетя ответила: „Noch ist Polen nicht verloren!” – „Еще Польша не погибла!»! На это немец заревел: “Rein”! – “Прочь”! – и приказал им садиться в эвакуационный автобус» [2, т. 3, с. 15].

Во время Второй мировой войны Ванда Шуман поддерживала письменный контакт со своим братом Стефаном. Списки для камуфляжа приходили на фамилию и адрес бывшего университетского курьера, – Андрея Караима, который проживал тогда на ул. Брацкой, 8, в Кракове и потом как курьер перевозил их в село (изначально в Гошици, позже в Любожици) к С. Шуману, находящемуся там под другой фамилией. Гражина Чижевич засвидетельствовала, что во время Второй мировой войны ее отец в Гошицах писал на польском языке конспиративные патриотические стихи и военные песни [2, т. 3, с. 15]. Вероятно, первым из написанных С. Шуманом военных стихов, является произведение под названием «Наши бедняки», которое заканчивалось словами: «Вы все, хранящие в сердце Польшу / – Вы являетесь поляками / Отчизна! Мы не оставим Тебя / – Польша – это мы, это мы сами!» [2, т. 3, с. 16]. Свои патриотические стихи он читал «для утешения сердец» в усадьбах в Гошицах и Любожице, создавая конспиративную польскую культуру в период оккупации.

В 1940 г. в Гошици приехали близкие семьи Шуманов, выселенные коммунистами из семейных имений на восточных землях, забранных и оккупированных советами после 17 сентября 1939 г. Таким образом, там создалась сильная патриотическая среда и благоприятные условия для конспирации. К приезжим принадлежали Вольские, то есть дочь очень известной младопольской поэтессы – Марыли Вольской – Анеля Павликовская (сестра Бэаты Обертыньской, также признанной поэтессы, вывезенной советами на Сибирь [9, с. 46–47]) из Мэдыки с четырьмя детьми, также Андзя Вольская с шестерью детьми: с Петром, Йоанной, Марией, Геновефой, Анной, Розой, Марией, Христофором, Марцином, выселенными из Пэрэпэльник, из околиц Злочова [2, т. 3, с. 16–17]. Кроме того, в Гошици весной 1940 г. прибыли две «девушки Грудзиньские из Виленщины», Люся Павловская, Ирина и Георгий Шройдеровые, (то есть невестка и сын Артура Шройдэра, директора краковского Дворца Искусства), Генрих Плечинский из Гжимислава в Велькопольске, Енджей Пшилуский и Ежи Бельский [2, т. 3, с. 18].

Согласно предположениям автора статьи, только в 1940 г. в Гошици в небольшую усадьбу Кернов/ Туровичов приехало двадцать человек (взрослых и детей), к этому следует прибавить трех Шуманов (Стефана, Софию и Гражину), вместе – двадцать три гостя. К вышеупомянутому числу следует прибавить семью хозяев из Гошиц, то есть Франческу и Софию Кэрнов, также Анну и Георгия Туровичов, у которых в Гошицах появились на свет две дочери Эльжбета (весной 1940 г.) и Йоанна [2, т. 3, с. 19]. Всех вместе было по меньшей мере двадцать девять человек, которые в то или иное время пребывали в этой усадьбе с начала Второй мировой войны (но некоторые

из них позже оставили Гошици). Небольшая усадьба в Гошицах стала тогда центром конспиративной польской культуры в целой окрестности. Согласно свидетельству Г. Чижевич: «По отношению к толкотне, господствующей в доме, [Анна и Георгий] Туровичовы проживали на так называемом “резервуаре”, то есть в малой комнатке на мансарде, около бака для воды над ванной» [2, т. 3, с. 19]. Кроме того, дочь Шумана засвидетельствовала: «Помню Ежи Туровича, следящего за созреванием клубник, конечно, с философской книгой в руке; птицы могли в этой ситуации спокойно клевать наиболее красные ягоды» [2, т. 3, с. 20].

Дополнительно «в конце оккупации» прибыли в Гошици «молодые Гоншёровские» [2, т. 3, с. 19] (имена не известны). Гражина Чижевич пишет, что позже, в 1943 г., в гошицкой усадьбе находилась еще Данута Вольская, (подпольный псевдоним «Лесная»), то есть бывшая жена Яна Юзефа Щепаньского, писателя, который в то время, в 1943 г. скрывался под чужой фамилией также в гошицком земельном поместье [2, т. 3, с. 58].

К гостям и хозяевам приходила прислуга, например, няня малых Туровичовен, повариха, госпожа Доньцова «со своим штабом подкухонных» девушек [2, т. 3, с. 19–20]. Вышеупомянутый круг лиц (гости и хозяева) был вместе с С. Шуманом в Гошицах, начиная с 1940 г., что важно, поскольку они представляли публику конспираторских культурных (патриотических) мероприятий, которые происходили в усадьбе и в которых также участвовал в качестве артиста-исполнителя (музыканта, декламатора) или создателя текстов (литератора) профессор Шуман. Гошицкую усадьбу называли «Ноевым Ковчегом» [2, т. 3, с. 21] по причине толпы людей, собранной здесь для переживания «потопа» войны. Кроме того, в Гошицах велось возвращение многочисленных животных и обработка земли (под немецким надзором – были они обложены контрибуциями в пользу немцев). Согласно свидетельству Гражины Чижевичовой, «мы не испытывали голода и недостатка в продовольствии» [2, т. 3, с. 23]. Тогдашние хозяева усадьбы в Гошицах – Францишек и София Кэрновые «много работали, кормя такое количество домочадцев. А кроме того, подвергались опасности, просто укрывая у себя людей, действующих в конспирации и скрывающихся» [2, т. 3, с. 23].

Тайная учеба и конспиративный театр под руководством Шумана

Согласно свидетельству С. Шумана, с середины 1940 г. он осуществлял тайное обучение (по педагогической психологии) в рамках Ягеллонского университета. Из другого источника известно, что ор-

ганизованная тайная учеба Ягеллонского Университета под криптонимом «Кооператив» имела место гораздо позже, то есть с 1942 г., когда тайным ректором университета стал ботаник профессор Владислав Шафер.

С. Шуман написал: «С середины 1940 г. я приезжал время от времени в Краков с целью участия в тайной учебе студентов, организованной профессорами Ягеллонского университета. Занятия по развивающей и воспитательной психологии добросовестно и отважно вели в основном д-р Стефан Сухонь и д-р Анна Джержанка. Происходили они в разных частных квартирах, каждый раз в другой, чтобы немцы не смогли напасть на их след. Особенно часто я встречался со студентами в квартире супругов Люкачув [55]. Оба были моими учениками. Тайные занятия позволили студентам продолжать учебу и сдавать некоторые экзамены» [7, с. 89].

Станислав Гавэнда писал о тайной учебе в Ягеллонском университете: «Среди новых специальностей учебы, организованной в 1942 г. в ноябре того же года была классическая философия и сжатая философия под общим криптонимом “Aladin”. На эти специальности подали заявки 9 человек, которые были разделены на две группы под руководством профессора З. Завирского. В августе 1944 г. было уже в 6 группах 35 студентов. Большинство из них представляли студенты сжатой философии, которые в целом на протяжении учебы изменили специальность и после войны получили дипломы магистров педагогики или педагогической психологии. Обучали будущих педагогов профессор Зигмунт Мысляковский, профессор С. Шуман и доктор Стефан Сухонь.

На протяжении учебы из этих 35 студентов отсеилось 8 человек. В этих группах преобладала молодежь из Кракова. Тех, кто приезжал из провинции, было немного и они чаще всего отсеивались, не могли удержать постоянного контакта со своей группой» [10, с. 125].

Воспоминание С. Шумана о начале тайной учебы в 1940 г. расходится с прежними взглядами историка профессора Генриха Барыча (Ягеллонский университет), который утверждал, что тайная учеба была организована лишь в 1942 г. Кроме того, Барыч написал, что в тайном Ягеллонском университете было 800 студентов в 1942–1945 гг., 136 преподавателей, в том числе на философском факультете Ягеллонского университета (академиком которого был Шуман) – 86 преподавателей и 380 студентов [11, с. 124]. Вклад профессора С. Шумана в тайную учебу был значительный (около 10 студентов), поскольку это составляло около 1 % всех тайных студентов Ягеллонского университета, в том числе – около 2 % всех «подпольных» студентов тогдашнего философского факультета в конспиративном Ягеллонском университете.

Из других конспиративных действий профессора следует отметить тот факт, что был он актером подпольного польского любительского театра в Вилькове около Кракова. Скорее всего, было это осенью 1940 г. Спектакли играли в усадьбе Юзефа Зубжицкого в местности Вилков (по соседству с Гошицами). Шуман играл там в *Ślubach paniieńskich* Александра Фредро. В конспиративной постановке выступили, кроме Шумана, в т. ч.: Кристина Мадейска, Томаш Новаковский, Енджей Пшилуский, Гражина Шуман, Данута Вольска («Лесная») [2, т. 3, с. 23]. Госпожа Чижевич не указала, в какой роли выступил ее отец в конспиративном спектакле. Нужно прибавить, что ученый был также режиссером той подпольной постановки. В свою очередь Й. Новаковский не только играл как актер, но также давал музыкальные концерты, например, играл *Appassionatę* Людвика ван Бетховена в салоне в Вилькове (в 1940 или 1941 г.). Новаковский из Шумановского тайного актерского коллектива был за конспирацию арестован и расстрелян немцами в 1941 г. в форте в Кшеславицах [2, т. 3, с. 24]. Конспиративная жизнь поляков заканчивалась тогда нередко смертной казнью (экзекуцией, совершаемой немцами).

Шуман в Любожице в 1940–1941 гг.

Уже под конец 1940 г. (вероятно, в декабре) С. Шуман с семьей покинул усадьбу в Гошицах и поселился в Любожице, в доме Марии Амуро (*Amoureaux*), [2, т. 3, с. 33], в то время уже женой Яна Козлевского), – где семья Шуманов оставалась до конца войны и где профессор имел лучшие условия для обоснования конспиративной исследовательской работы [12, с. 7]. Не выяснено до сих пор, возможна ли – и какая? – родственная связь между Ириной Козловской с Леоном Козловским, бывшим премьером II Речи Посполитой, дезертиром из Армии Андерса и колоборанта III РП.

Гражина Чижевич так вспоминала о быте в Любожице в 1940–1945 гг.: «Родители мои имеют (т. е. имели тогда) отдельную комнату, где отец спокойно писал, сидя за маленьким столиком ...» [2, т. 3, с. 33]. В Любожице Шуман писал научные книги «в стол», которые были изданы только после войны, а также свою статью в подпольную прессу периода оккупации – конспиративный «Месячник литерарский» [13, с. 1–3].

Шуман в 1964 г. вспоминал, что, находясь в Любожице во время войны, старался как можно лучше выполнять свои гражданские обязанности в движении Сопротивления (т. е. ZWZ-Армии Краевой – в Союзе вооруженной борьбы – М.Т.) [7, с. 89–90].

По сообщению Дороты Франшковой, в 1960 гг. профессор С. Шуман заполнил для исследовательских нужд (история батальона «Скала») анкету, в которой написал, что вступил в ряды Армии Краевой (ZWZ-AK) в 1941 г. Последующий период 1941–1945 гг. следует вос-

принимать как время принадлежности майора Шумана к конспиративным структурам Подпольного Польского государства. Период этот был чрезвычайно плодотворный с точки зрения патриотической деятельности майора-профессора на ниве культуры – подпольной науки, независимого искусства, тайного обучения, конспиративной литературы и театра, публикаций в конспиративной печати – и тайной военной медицинской службы в ZWZ-AK. Шуман совершал бескорыстные поступки, васылая продуктовые посылки во Львов, чтобы помочь прожить одному из тамошних выдающихся польских профессоров Роману Ингардену.

В Любожице Шуман записывал музыкальные произведения, то есть так называемые «окупационные песни» и «окупационные календы» «с интересной, собственной гармонизацией», много играл на фортепьяно в любошиком салоене [2, т. 3, с. 34].

Постоянными жителями-гостями любожицкого поместья, или, – не считая хозяев, – потенциальной публикой конспиративных выступлений Шумана, были (кроме самих Шуманов) среди прочих профессор Елена Вильман-Грабовская⁸, ориенталистка Ягелонского университета (специалистка по санскриту), также ее дочка Эльжбета⁹, пианистка. Кроме этих постоянных гостей, наносили визиты Эва Седлецкая и ее брат Станислав Седлецкий, дети тогда уже умершего профессора Михала Мариана Седлецкого [2, т. 3, с. 35]. Необходимо отметить тот факт, что Эва Седлецкая, художница, использовала квартиры на улице Шевской в Кракове для подпольного независимого театра Тадеуша Кантора, в котором он ставил свои знаменитые конспиративные спектакли, в том числе «Балладину» Юлиуша Словацкого (1943) и «Возвращение Одиссея» Станислава Выспянского (1944).

С Канторовским подпольным театром во время войны были связаны известные краковские артисты – Тадеуш Бжозовский, Анджей Цибульский, Янина Краупе, Ежи Новосельский, Казимир Микульский, Мечислав Поренбский и др. Контакты любожицкого поместья с независимым подпольным театром поддерживались благодаря посредничеству Седлецкой. По свидетельству Дочки Шумана, «Эва (Седлецкая) посещала художественную студию. Сердечно пригласивствовала с моими родителями. Связывали их общие интересы» [2, т. 3, с. 36]. После войны Шуман в группе Т. Кантора – независимых, внедряющих соц-

⁸ Проф. Елена Вильман-Грабовская [Helena Willman-Grabowska (1870–1957)], заведующая кафедрой санскрита и индуской филологии (1927–1939 и 1945–1948), преподавала индусские языки, а также Старый Персидский и авестийский языки.

⁹ Эльжбета Вильман (Elżbieta Willman), после II войны учительница Средней музыкальной школы в Кракове.

реализм молодых художников, которые цитировали его труды, – был авторитетом в области искусства.

Жители любожицкого имения в свободные минуты играли в бридж: «За зеленым столиком нередко заседали четыре горячих польских патриота с чисто немецкими фамилиями [Адам] Штольман (Stolzmann), [Стефан] Шуман, Войцех Унруг¹⁰ (Unrug) и [Франтишек] Керн (Kern)» [2, т. 3, с. 37]. Кроме того любил С. Шуман прогуливаться долиною из Любожицы вдоль потока в сторону соседского имения в окрестностях Вилькова. Тут над потоком в долине сидел и писал патриотические стихи или прославлял красоту польского пейзажа, между прочим, одно из его произведений начинается со слов: «Ты привык сидеть и жадно глядевшие / глаза упивались тем, что нескончаемо / плывет веками своими следами / как те воды и тот поток бледный...» [2, т. 3, с. 37].

В 1941 г. С. Шуман в Любожицах написал известное стихотворение «Фестиваль 1941», в котором протестовал против организованного немцами в оккупированном Кракове пропагандистского фестиваля Людвиг ван Бетховена *Notabene*. Уже «в III Речи Посполитой вернулись к тому постыдному народно-социалистическому мероприятию – организованному, не взирая на протесты, Бетховенскому фестивалю в Кракове. С. Шуман в 1941 г. В период немецкой оккупации не сомневался, что есть музыка достойная польского фестиваля (Шопеновская музыка, а не Бетховенская), когда писал: «Заиграл тихо прелюдию фестиваль Шопена» [2, т. 3, с. 24–25].

Шуман с семьей бывал в соседнем имении в Вилкове у Юзефа и Софии Зубрицких, где отбывались конспиративные выступления живущей там певицы Кристины Мадевской (Krystyna Madeyskiej, которая под аккомпанемент Юзефа Зубрицкого, играющего на фортепиано, пела песни Франца Шуберта (например, «Короля эльфов») или другие вокальные произведения. Зубрицкий же концертировал, играя миниатюры для фортепиано Зденка Фибуха, небольшие произведения Роберта Шумана и прелюдию Иоганна Сенбастьяна Баха [2, т. 3, с. 38–39].

В имении в Любожицы в 1941 г. Шуман написал книгу «Об искусстве и сущности лирической поэзии». По свидетельству дочери ученого, «В то время была написана работа о стихах и их переводах, которая потом получила название “Об искусстве и сущности лирической поэзии”» [2, т. 3, с. 33]. Запись убеждает, что заглавие работы

¹⁰ Речь идет о Войцехе Унруге, последнем владельце имения в Лужицах около Кракова. Вице-адмирал Юзеф Унруг, командующий Военноморскими силами Польши (1925–1939) был двоюродным братом отца Войцеха Унруга или более далеким родственником Войцеха Унруга.

более позднее, чем она сама, возникшая в 1941 г. В имени Любожицы в 1940–1943 гг. ученый написал также книгу «Природа, личность и характер человека» так называемую “характерологию”. Дочь Шумана засвидетельствовала, что в тот же период «отец пишет очень большой психологически-философский труд “Природа, личность и характер человека” <...> Вмешиваясь даже в сферу этики, эстетики и даже социологии и политики. <...> Под гнетом тогдашних событий, формирует (уже тогда!) основные права человека» [2, т. 3, с. 33].

Профессор, невзирая на оккупационные обстоятельства, в конспиративных условиях развивал польскую мысль, создавая важные для польской культуры труды, которые были изданы намного лет позднее. Сам ученый в 1964 г. вспоминал о военном периоде своего быта в Любожицы (1941–1945): «Личные мои условия благодаря моим хозяевам были такие, что я имел много времени для конспиративной научной работы. Написал в то время обширную работу по характерологии “Природа, личность и характер человека” – до сих пор не отдана мною в публикацию, одну работу из области эстетического воспитания (издана в 1948 г. [“Об искусстве и сущности лирической поэзии”]). Вспоминаю те годы охотно и с удовольствием <...>во-первых для того, чтобы мог и далее заниматься научной работой, а во-вторых, по той причине, что умел наилучшим образом исполнить свои гражданские обязанности в движении Спротивления» [7, с. 89–90].

Книга из области «характерологии» была изъята по исключительно политическому поводу, систематично блокировалась коммунистической цензурой в Польской народной республике (PRL), несмотря на многократные пробы С. Шумана опубликовать ее в 1956 г. и в 1960-х гг. (между прочим, в Литературном Издательстве в Кракове). Поэтому оказалась изданной уже посмертно в 1995 г. (Издательство WAM).

Г. Чижевич обратила внимание на так называемые права человека, которые ее отец сформулировал в Любожице во время оккупации в вышеупомянутом тексте из области «характерологии»: «Неприкасаемыми должны быть основные права человека и каждой человеческой индивидуальности: право на свободу мысли и убеждений; право на то, чтобы не подлежать наказанию и преследованию за взгляды и этически безукоризненную политическую деятельность; право обращения в первую очередь к собственной совести и к повиновению добру; право отношения с уважением в каждом его [каждого] человеческого достоинства и ни в коей мере не унижая его [достоинства]; право на сохранение частной; автономной и за себя ответственной личности» [2, т. 3, с. 33–34].

Этические права совести ярко контрастировали с неэтической войной, вызванной немцами и Советами, которая стала причиной миллионов убитых жертв. Стоит отметить, что занятия из области «ха-

рактерологии», которые проводил С. Шуман уже после войны в Ягеллонском университете, на основании вышеупомянутого (потом оспариваемого цензурой) машинописного текста, посещал в 1949 г. среди прочих ксёндз Кароль Войтыла, что свидетельствует о том, каким глубоким признанием пользовался в научной среде С. Шуман как профессор. В период работы над произведением «Природа, индивидуальность и характер человека» в Любожицах Шуман вел дискуссию на определенные этические темы, о чем свидетельствует, например, письмо Элеоноры Плютыньской (его свояченицы, сестры Софии Шуман), касающееся в т. ч. Циприана Норвида, что объясняет отсылки к творчеству Норвида в работах профессора [2, т. 3, с. 46–48]¹¹. Из письма можно узнать о тогдешнем увлечении идеями Норвида, особенно мотивом,

¹¹ Элеонора Плютыньска написала из Залеша под Варшавой 23.08.1941 г. Стефану, Зофье и Гражине Шуманам: «Были письма Зоси [Шуман] [...]. Высказала там Зося такую мысль: “Мы должны быть богаты духовно, чтобы одаривать, что ты думаешь об этом? [...] Конечно, мы должны одаривать, потому что это будет смыслом нашего существования – иначе мы не нужны. Мы должны в мировой порядок внести что-то собственное – чего никто другой бы не дал – тогда мы нужны. Мы должны внести что-то безмерно важное, чтобы была пропорция этой цены, за которую это делается. Мы должны одаривать. А чем? Читать вместе Норвида? [...] Мы получили такое наследство. У нас есть мера, которой должен быть наш вклад в новое сообщество человечества. У нас такие принципы, переданные нам нашими родителями. Такой у нас материал. Но нельзя пользоваться только этим. Свой вклад мы должны сделать сами. Не достаточно сослаться на родителей. Сегодня – на этой ужасной грани, из которой валится в щепни обанкротившееся человечество [...] “Чистый воздух правды” [–] вот первое, что должно быть, чтобы люди не задохнулись и не угорели. Если намерение осуществит эту чистоту – то, может быть, можно будет видеть «Чистый воздух правды» – Норвидовское название человеческого желания. Вот, и в самом начале – у самого порога – уже мы имеем Норвида. И теперь по очереди, всевозможные важнейшие человеческие дела – постепенно – им [Циприаном Норвидом] называются. А если есть название – то уже и опознать можно. Поэтому я думаю, что не одну важную вещь – важнейшую для всего мира – мы первые сумеем выделить и назвать – потому что, возможно, мы имеем более проникновенный взгляд, или деликатность выделения – как порученное себе “дарование”. И у нас есть Норвид, который тогда еще выделял из темноты – и здесь именно, я думаю, надо работать над нашим вкладом в общую трансформацию мира [...] Потому я пишу все это, что было это пвое, Зося, слово – об одаривании – а это, оказывается, очень трудно. Среди прочего, я хочу еще обратить внимание на стихотворение Норвида “Pieśń o ziemi naszej” (“Песнь о нашей земле”) – несколько строк: “Gdy ducha z mózgu nie wywikłasz tkanin” – такие там jest prze-różliwie jasnowidzące zdanie o dniu dzisiejszym pod adresem Zachodu. / “Gdy już jednego nie będzie sumienia w ogromni twej” – to do Wschodu. Wtedy podobno „spotkania dzień” – i nas kolej. Zobaczmy”». [Цит. По 2, т. 3, с. 46–48].

связанным с темой «одаривания» ценностями, присутствующем также в текстах С. Шумана после войны. Содержания тех писем свидетельствуют о существовании живого обмена мнениями на тему польской культуры, невзирая на «ночь» оккупации.

С. Шуман в Любожице в 1941–1945 г.г. прочитал независимый конспиративный «цикл лекций по истории искусства, а также публичную лекцию на тему поэзии, посвященную, в основном, Норвиду. Способствовал развитию возникающих дискуссий. Эти вечера получили название “лекции в Любожице”» [2, т. 3, с. 48]. С. Шуман давал также конспиративные уроки польского языка для молодежи из гощицкой и вильковской усадеб [2, т. 3, с. 49].

Профессор Стефан Шуман и Роман Ингарден во время Второй мировой войны (реляции 1941 года)

После нападения Германии на Советский Союз 22. 06.1941 г. и оккупации Львова между Львовом и Краковом возникли неофициальные контакты. Осенью С. Шуман получил письмо из Львова от своего приятеля Романа Ингардена от 14.09.41 г. (оно до сих пор не опубликовано). В письме описывалась ситуация, в которой оказались польская наука и польские ученые во время большевицкой оккупации. Это письмо – одно из немногих свидетельств той эпохи:

«Дорогой Стефан. Когда-то ты писал мне, чтобы я возвратил рукопись твоего научного трактата, который ты дал мне еще до войны. В силу того, что появилась оказия, делаю это теперь, хотя и не имею твоего адреса, но могу через общих знакомых доставить эту рукопись тебе.

Мы как-то держимся, хотя часть моей семьи стала жертвою тех обстоятельств, которые господствовали тут в большевицкие часы. А именно, арестовали одного из моих парней (Юрка) [Юрия Ингардена. – М.Т.] и вывезли в Россию. Ничего не известно уже целый год, что с ним происходит. С июня 1940 находится в России также моя сестра, которую вывезли не как беженку в Марийскую республику. Работала там на лесоповале в очень тяжелых условиях. Очевидно, что и о ней теперь ничего не узнаю.

При большевиках [1939–1941] исполнял обязанности профессора германистики, читая в основном теорию литературы. <...> В области философии в те часы вообще не работал, это было невозможно» [2, т. 3, с. 43–44].

Письмо Ингардена дает представление об общем положении поляков в оккупации. В следующем, неопубликованном, письме времен войны Ингарден, среди прочего, писал: «Nota bene. Книжку [Р. Ингардена – доп. ред.] “Opoznawaniu dzieła literackiego” (“О познании литературного произведения”) большевики уничтожили, осталось небольшое количество экземпляров, которые еще спаслись в Ossoline-

ит. Такая судьба постигла огромное количество польских книг в той местности. В основном речь шла о бумаге.<...>

Про Виткация услышал тотчас осенью [19]39, но не очень верил, потому что в то время похоронили очень много людей, которые живы-здоровы по сей день. Недавно мне подтвердили это известие, так что, сомнений больше нет. <...> Очень мне его жаль. Несмотря на его чудачества и великое беспокойство духа, он был человеком, по сути, ценным и интересным. <...> Со времени последнего пребывания в Закопане у меня осталось еще несколько портретов [выполненных Виткацием – М.Т.], между прочим, портрет Юрка, в полный рост на фоне пылающего неба, тут же моей жены, подписанный “на ступенях вагона”, созданный в последние минуты перед ее отъездом из Закопане, но теперь воспринимается как последнее расставание. Очень мне будет недоставать Виткация. Обязан ему многими добрыми часами» [2, т. 3, с. 43–44].

Вышеуказанный пример не опубликованной до сих пор корреспонденции Романа Ингардена к Стефану Шуману отражает тогдашнюю эпоху и, конечно же, мнение философа относительно коммунизма (он был антикоммунистом). Становится ясно, что польские ученые, несмотря на войну, вели даже в конспирационных условиях оживленный научный диалог, чтобы поддерживать польский дух. Сохранились письма Ингардена, отправленные из Львова в Любожице под Краковом, где пребывал Шуман, в период с 1941 по 1943 гг., т. е. со времени, когда Львов оставался под немецкой оккупацией и был возможен письменный контакт. Шуман поддерживал Ингардена, присылая из Любожицы сыр, кашу, мёд, за что философ благодарил в письмах. Ингарден описывал в них свою трудную задачу, которое выполнял, а именно, растопку печи; кроме того, писал о сущности литературного произведения, о философских и логических вопросах [2, т. 3, с. 45]. Согласно Г. Чижевич, что очень существенно, диалог между двумя польскими профессорами под немецкой оккупацией имел свои особенности.

Эпистолярная дискуссия обеих профессоров периода гитлеровской оккупации, это своего рода сердечный и дружеский «спор о *imponderabilia*» между философом-теоретиком, каким был Ингарден, и художником-эссеистом Шуманом, который невольно выскальзывает как вьюн из-под внимательного взгляда Ингарденовской строгой точности. «Мой отец хотел бы видеть каждый предмет и каждую проблему с разных сторон – как многоликое существо» [2, т. 3, с. 45].

Шуман в Любожице в 1942 г. (конспирация)

В 1940–1942гг. Г. Шуман ездила коцмыжовской узкоколейкой за 20 км. на так называемые подпольные «консультации» и «экзаме-

ны» в Краков, где по возможности посещала Францишку Лысякову, свою давнюю няньку, которая жила сама с двумя детьми, поскольку ее муж – Михал Лысяк (курьер кафедры педагогики ЯУ) в то время был заключен немцами в лагерь военнопленных [2, т. 3, с. 49].

Весной 1942 г. дочь Шумана сдала подпольно выпускные экзамены в рамках тайного обучения, после переквалификации в 1940–1942 гг. программы лица на гуманитарный профиль (мало предметов естествознания и математики, но много польского языка, французского языка, латыни). Аттестацию сдавала в частных домах своих преподавателей – проф. Винцентия Стырыльского, полониста (а позже послевоенного учителя Педагогического лицея в Кракове) и директора Совинской (имя неизвестно) [2, т. 3, с. 50].

В Любожицу к С. Шуману иногда приезжал Анжей Караим, посыльный Ягелонского университета как «тайный» курьер [2, т. 3, с. 51]. Гражина Чижевич написала:

«Не знаю, переписывал ли по-прежнему во время войны господин Анджей (Караим) тексты моего Отца? Или может это он занимался «Мастерством лирической поэзии» (*О мастерстве и сущности лирической поэзии*)?» [2, т. 3, с. 52].

Однако подтвердила, что это она лично переписывала текст другой работы С. Шумана, – «*Природа, индивидуальность и характер человека*».

В воспоминаниях указывает, что это происходило после сдачи выпускного экзамена, то есть по весне 1942 г. [2, т. 3, с. 53]. Это значит, что работа уже тогда была завершена.

С 1942 г. лекции в подпольном Ягелонском университете проводились уже под криптонимом «Кооператив». Тайным ректором учебного заведения в то время (1942–1945) был проф. Владислав Шафер. С. Шуман также участвовал в тайном обучении и в это время (1942–1945). По словам дочери, «в Краков также ездил мой Отец. Преподавал там психологию в подпольных группах, которые вели научные работники Ягелонского университета. Знаю, что он сотрудничал, между прочим, со своим ассистентом, доктором Стефаном Сухонем. Занятия, по-видимому, проходили чаще всего в доме семьи Лукачов на ул. (Св.) Филиппа» [2, т. 3, с. 53]¹².

Лукачы окончили педагогический факультет, а не психологический, как говорила пани Чижевич [2, т. 3, с. 53]. Согласно письму Зофьи Лукач, они вдвоем получили «дипломы магистра на старых, еще довоенных университетских бланках» [2, т. 3, с. 55]. По воспоминаниям другого достоверного очевидца – Кшиштофа Шливинского, псевдо «Кмичиц» (который принимал участие в подготовке партизан

¹² Как ошибочно написала Гражина, лекций по психологии в ЯУ не было вообще аж до 50-х гг. XX в.

АК в Маршовицах [2, т. 3, с. 68] в отряде «Молния» и зимой 1943–1944 гг. был заключен немцами в Монтэлюпих, а потом принимал участие в боях в Самодеятельном партизанском батальоне «Скала» АК [14, с. 56–57]), во время Второй мировой войны С. Шуман проводил в Офицерском микрорайоне Кракова в частном доме подпольный курс психологии. Казалось, будто это студенты приезжали в Любозицу с целью получить знания в тайном обучении [2, т. 3, с. 53–54]¹³.

Согласно записи в трудовой книге (Arbeitskarte), Стефан Шуман официально был учителем Профессиональной торговой школы [2, т. 3, с. 53–54]. По мнению Гражины Чижевич, это была ложная запись для маскировки перед немецким оккупантом [15, с. 96–97].

Здесь надо вспомнить о лекции, прочитанной С. Шуманом во время тайных встреч членов тогдашней подпольной Польской академии в Кракове. 10 мая 1942 г. в Кракове состоялось тайное собрание Литературно-исторической комиссии ПАУ [10, с. 199], во время которого Шуман прочитал первую часть доклада по теме «О сущности и мастерстве лирической поэзии». Вторую часть доклада он представил 24 мая 1942 г. на очередном собрании Комиссии. Содержание доклада Шумана опиралось на тезисы его книги под таким же названием, написанной в Любозице до 1942 г. Выступление произошло в рамках двух из пяти тайных встреч комиссии под руководством проф. Станислава Пигоня. Вышеупомянутые встречи Станислав Гавенда описал так:

«Кроме Языковедческой комиссии действовала Комиссия истории польской литературы под руководством С. Пигоня, которая в 1942–1943 гг. провела пять научных собраний. Из представленных на тех собраниях работ, особого внимания заслуживают доклады: 1) Станислава Пигоня «Демонология в «Свадьбе» Выспянского»; 2) Людвика Камыковского «Ян Якуб Трембецкий»; 3) Казимежа Выки «Образы художественного искусства в поэзии К.Ц. Норвида»; 4) С. Шумана «О сущности и мастерстве лирической поэзии»; 5) Станислава Пигоня «Характеристика польской народной литературы XIX и XX вв.» [7, с. 89].

На этом фоне виден широкий диапазон исследовательских интересов С. Шумана-ученого (медициной, философией, педагогикой, психологией и поэзией [поэтикой]), признанного и в среде краковских историков литературы, сосредоточенных – по причине опасения ареста немцами польских профессоров – в то время в подпольной Польской академии.

¹³ Стоит прибавить, что имеющаяся у профессора Arbeitskarte, вероятнее всего, препарировалась структурами Польского Подпольного Государства (zapewne komórkę legalizacyjną ZWZ-AK).

Задержание Шумана Гестапо (1942 г.)

В жизни ученого во время немецкой оккупации не обошлось без драматических моментов. С. Шуман вспоминал событие, произошедшее в оккупированном немцами Кракове, тогдашней столице так называемой Генеральной Губернии:

«Однажды в кафе я попал в руки Гестапо. Меня завезли в тюрьму в Мон-тэлюпих, обвинили в отравлении, найдя в моей папочке лекарства, заключающие лечебные дозы мышьяка и стрихнина, издевались, а в конце выпустили, при этом меня заставили выпить содержимое ампул с лекарствами, убедившись, что ими я не отравлюсь» [2, т. 3, с. 53–54].

Это происходило в 1942 г. (точную дату дня невозможно установить на основании ныне известных источников). Факт задержания профессора Гестапо в Кракове представила его студентка Зофья Лукачева:

Однажды профессор как-то долго не возвращался из города [...]. С беспокойством, мы ожидали его к обеду и выспрашивали у знакомых о ситуации на улицах. Вдруг он объявился нервным, держа в руках подтяжки, ремень и галстук. Он вернулся из тюрьмы находящейся на ул. Мон-тэлюпих, это недалеко от улицы (Св.) Филиппа, где мы в то время жили. Оказалось, что он был задержан так называемой уличной «облавой» и вместе с другими прохожими был погружен в машину и отправлен в тюрьму. Благодаря безопасному документу о подтверждении личности и владении немецким языком профессора отпустили, т. к. гитлеровские жандармы не знали, кто попал к ним в руки. Это событие не испугало профессора, он по-прежнему приезжал в Краков, чтобы принимать экзамены у студентов, которые учились там подпольно [2, т. 3, с. 54].

Дополнительный комментарий относительно дела ареста С. Шумана исходит от дочки ученого, которая сообщила, что это событие с задержанием ее отца происходило в день сдачи аттестации, то есть в июне 1942 г. [2, т. 3, с. 54].

Шуман, преподающий тайные курсы по санитарии АК и воспитанию (1942–1944)

Профессор принимал участие не только в засекреченной научной, культурной, искусствоведческой и дидактичной деятельности, но и в подпольной деятельности военных подразделений ЗВЗ-АК. В 1942 г. и наверняка позже в усадьбе Зофьи и Юзефа Зубрыцких тайно велся курс санитарии для девушек из близлежащих усадеб. Лекции на курсах читал именно доктор медицины Стефан Шуман, а упражнения в качестве медсестры вела Кристина Мадейская (известная также в других местах как певица и актриса подпольного аматор-

ского театра в Вилкове) [2, т. 3, с. 55]. Конспирация привела к тому, что Гражина Чижевич не знала во время войны о том, в какую местность ездит ее отец как врач, также какую функцию/роль выполняют его ровесники и друзья (а именно Юзеф Зубрицкий с Вилкова и Адам Столzman из Гошиц)¹⁴. Вышеперечисленные люди были задействованные также и в составе подпольных структур Армии Крайовой в Меховске.

Немного больше света на эту тему проливает отчет связной Дороты Гиртлер (Франшковой), подпольное имя «Стася», участницы тех курсов. Она утверждает, что Шуман приходил на пункты санитарии (либо пункты связи) в Вилке (Джеменжицах), Поляновицах, Вилкове и Петжейовицах, при этом

(Он находился) в Петжейовицах в усадьбе хозяев Гошинских (этот пункт имел псевдоним «Пион»). Там была больница, пункт связи АК и контактный ящик для Кедыва Краковского. [...] (Это было) зимой 1943 года (в феврале 1943 или в марте) [...] Через неделю проходил курс санитарии, который проводил доктор Шуман и второй доктор из Коцмижова – доктор Коморовский [...] (имя неизвестно, возможно псевдо. «Ярема» - М.Т.) а также сестра господина (Станислава) Гошинского – Мария Гошинская, псевдоним «Мария» (после войны вступила в орден доминиканок или норбертанок в Люблине). Мы там жили на квартире, там было шесть или семь девочек [...]. Лекции длились целый день – до обеда и после обеда, с кратким обеденным перерывом. Кроме теоретических лекций проходили также и практические занятия (уколы, перевязки, предоставление первой помощи, транспортировка раненых). Также изучали теорию (виды основных лекарств). [...] (Девочки были возраста 17–18 лет) [16, с. 124–125].

Дорота Франшкова в своей книге, – кратком биографическом описании, составленном на основании анкеты лично заполненным С. Шуманом в 60-х годах XX в. – написала, что он принимал участие «в тайных курсах санитарии в Коцмыжове. В Петжейовицах обслуживал больницу у семьи Гошинских, где лечил скрывавшихся раненых партизан» [17, с. 16–17].

Шуман на подпольных курсах преподавал также детскую психологию для воспитателей в детских садиках, организованных сльонским куратором Яном Смоленем в Кракове (отсутствие годовых дат) [18, с. 96]. Стоит обратить внимание на тот факт, что Верхний Сльонск на то время входил в состав III немецкого Рейха, а Краков был столицей Генеральной Губернии, что в определенной мере мешало связям между подпольными средами поляков в Сльонске и Малопольше.

¹⁴ Текст публикуется по статье Дороты Франашковой (Franaszkowa D. Sylwetki żołnierzy Batalionu «Skala» Armii Krajowej. – Kraków, 1996)

Шуман в Любожице в 1943–1944 гг.

В феврале-марте 1943 г. в Кракове был опубликован подпольный, четвертый номер «Литературного Месячника» (изд. «Союз»), где была размещена (анонимно) статья авторства С. Шумана под названием *С.И. Виткевич*, посвященная другу, который совершил самоубийство 18 сентября 1939 г. после известия о вторжении советских войск в Польшу [2, т. 3, с. 57]. В этом номере были опубликованы также статья Ежи Туровича под названием *Литература и нация*, стихи А. Совиньского, Войцеха Жукровского а также рассказ Тадэуша Квятковского. Подпольная литературная жизнь продолжалась, несмотря на опасность смертной казни для поляков.

Весной 1943 г. в Любожицу приехал новоназначенный агроном, им оказался Збигнев Чижевич с Щейовиц, – местности расположенной напротив Тынца на Висле, сын Яна и Марии Чижевич, выходец из семьи, проживавшей до Первой мировой войны в Подгайцах на Подолье [2, т. 3, с. 59–60]. Збигнев Чижевич, будущий зять С. Шумана, также участвовал в подпольных структурах АК. Поэтому их судьбы были тесно связаны.

В июне 1943 г. случайно появилось стихотворение (*В прошлом году...*) по поводу именин (24 июня) Яна Козловского, которые праздновали в Любожице. Авторство произведения приписано С. Шуману его дочерью [2, т. 3, с. 56–57].

В июле 1943 г. С. Шуман и его дочь были свидетелями (ex post) расстрела солдата и восьмерых хозяев из Вилкова. По словам Г. Чижевич дело происходило следующим образом:

«В июле 1943 в нашей местности произошли трагические события. [...]

Ночью приехали две группы Гестапо. В Вилкове вытащили из домов солдата и восемь хозяев. Они были расстреляны на месте, называемом Перелазом, возле дороги, что идет из Вилкова в Гошицы. [...] Мы пошли с отцом на место пачификации на Перелазе. Тел расстрелянных уже не было. Остались только следы крови на траве. Это был ужас» [2, т. 3, с. 57].

Подобные события происходили в Маршовицах, возле Вилкова и в Любожице, где немцы расстреляли любожицкого органиста со всей семьей [2, т. 3, с. 65].

Весной 1944 г. С. Шуман сочинил следующую патриотическую песню, которую пели в Любожицкой усадьбе: «*Oreżu, oreżu / masz oczyścić z chwastów rolę / Wyciąć zielsko i kąkole / Na to Bóg cię dał, / Na to Bóg cię dał*» («Оружие, оружие/ ты должно очистить от сорняков пашню/ высесть зелье и плевел/ на это Бог тебя дал/ на это Бог тебя дал»). Песня связана с подготовкой к операции «Бужа» (Буря), которая при приближении фронта должна была оказать вооруженное сопротивление немцам [2, т. 3, с. 66]. Армия Крайова в Меховске дей-

ствовала, опираясь на землевладельческие усадьбы, необходимые для организации снабжения, которое не в силах были обеспечить малоземельные крестьяне. Последние, в свою очередь, активно участвовали в конспирации. Это были жители так называемой Легионовки, поселка в Гошицах, который появился еще до войны благодаря parcelляции придворной земли, переданной бывшим легионерам Зофьей Керновой (Завишанкой), разведчицей Легионов и ее мужем.

Шуман активно присоединился к подпольной деятельности АК, во-первых, как преподаватель на курсах санитарии, а во-вторых, как врач, принимающий участие в боях.

В конце июня 1944 г. состоялось обручение Збигнева Чижевича с Гражиной Шуман [2, т. 3, с. 81]. Гражина Шуман вручила жениху обручальное кольцо, которое до тех пор было собственностью (памяткой) ее отца [2, т. 3, с. 67–68]. Вероятно, в конце июня 1944 г. был арестован и расстрелян немцами в Кракове на ул. Ботаничной Ян Козловский [2, т. 3, с. 68], выходец из Любожицы, который в конце 1940 г. приютил семью Шуманов под крышей своего дома и одновременно обеспечивал продуктами питания местные структуры АК.

В самодеятельном партизанском батальоне «Скала» (1944)

Участие майора Стефана Шумана в операции «Буря» свидетельствует о его пребывании в Самодеятельном партизанском батальоне «Скала» АК, который возник в июне 1944 г. Его сформировал майор Ян Панчакевич, (подпольный псевдоним «Скала») под названием «Штурмовой батальон № 299» (цифровой шифр краковского «Кедыва»), который вначале был задействован во вторжении с запада через Вольский лес в Краков и овладении частью центра города (включая театр им. Ю. Словацкого). В конце июля 1944 г. солдаты АК временно овладели территориями вблизи Прошовиц и Казымежи Великой, вытеснили оттуда немцев и образовали так называемую Речь Посполитую Казимежовско-Прошовицкую [2, т. 3, с. 68]¹⁵. В близлежащих местностях (Меховске) из четырех подразделений АК: «Молния», «Гром», «Ураган» и «Прыжок» был составлен Самодеятельный партизанский батальон Армии Крайовой «Скала» (около 550 человек)

¹⁵ О батальоне «Скала» см. также: Nuzkiewicz R. Uparci. – Warszawa 1983; Rozmus W. W oddziałach partyzanckich i Baonie «Skała». – Kraków, 1987; Wojenne i powojenne wspomnienia żołnierzy Krakowskiego Kedywu i Samodzielnego Batalionu Partyzanckiego «Skała» АК. – Kraków, 1991; Wojenne i powojenne wspomnienia żołnierzy krakowskiego «Kedywu» i Samodzielnego Batalionu Partyzanckiego «Skała» АК, cz. 2, oprac. zespół w składzie: W. Rozmus, K. Lorys, J. Bigaj. – Kraków, 1993; Dudek W. Wspomnienia okupacyjne w Samodzielnym Batalionie Partyzanckim «Skała» АК, cz. 2. – Kraków, 1995.

[19, с. 78]. Полковник Эдвард Годлевский (подпольный псевдоним «Гарда») 10 августа 1944 г. по собственному приказу № 1 переименовал отряд в Самодеятельный партизанский баон «Скала» [19, с. 82–83]. По словам Владимира Расмуса (подпольный псевдоним «Бунько»), состав командования был следующим: командир – майор Ян Панчакевич, адъютант командира – Хенрик Янушкевич (подпольный псевдоним «Спокойный»); офицер связи – Юзеф Бастер (подпольный псевдоним «Рак»); квартирмейстер – Эммануэль Муханов (подпольный псевдоним «Хан»); офицер продовольствия – Станислав Гошинский (подпольный псевдоним «Р») а также Ян Вильчек (подпольный псевдоним «Карник»).

Бюро информации и пропаганды (БИП.): Зигмунд Кмита («Петр») и Витольд Калышак («Волк»); Медицинская служба – доктор Стефан Шуман («Флис») и доктор Н.Н. (доктор Коморовский из Коцмижова – М.Т.) («Ярема»); шеф канцелярии: старший сержант Ян Левандовский («Сократ»); шеф жандармерии – подхорунжий Н.Н. («Шелест»); капеллан – ксендз Людвик Муха («Пырка») (бывший партизан отряда майора «Хубала») [19, с. 84]. В командовании батальоном майор С. Шуман имел высший офицерский ранг после майора Яна Пунчакевича. Ему принадлежал санитарный отдел. Так называемый Санитариа́т (санитарный пункт) Самодеятельного Батальона АК «Скала» составляли, согласно списку, составленному В. Расмусом, такие санитарки, как Зофья Напора («Ева»), Милада Кобаса («Искра»), Мария Напора («Янина»), данута Вольская («Лесная»), Мария Гошинская («Мария») и Анита Ромпала («Змейка») [19, с. 83–84]¹⁶. В сумме шестеро санитарок, однако в этом списке нет фамилии Дороты Гиртлер (Франшковой) («Стаси»), которая была не только одной из связных Батальона «Скала» [19, с. 84], но также принимала участие в курсах санитарии, организованных С. Шуманом и исполняла роль санитарки в подразделениях АК (с 1943 г.)

Стоит отметить, что кроме так называемого (главного, батальонного) Санитарного пункта батальона «Скала», другие отдельные компании батальона («Ураган», «Молния», «Гром-Прыжок») имели в своем составе собственные санитарные пункты под руководством начальника медицинской службы батальона «Скала» – майора С. Шумана.

¹⁶ Skład Plutonu łączności Batalionu AK «Skała»: dowódca: ppor. Józef Baster pseud. «Rak», Irena Sokołowska pseud. «Bobo», Zofia Sokołowska pseud. «Dzidzia», Zofia Jasińska pseud. «Ina», Antonina Biermańska pseud. «Kora», Ewa Kolesińska pseud. «Kozaczek», Stanisława Muchanow pseud. «Kropka», Maria Rusek pseud. «Lawa», Aleksandra Służewska pseud. «Oma», Dorota Girtler pseud. «Stasia», Włodzimierz Kobasa pseud. «Grzmot» (łącznik konny), Bogusław Muniak pseud. «Jacek» (łącznik ze 106 DP AK) [19, с. 83–84].

В 1 компании «Ураган» санитарками были Парыс Левицкая («Мария») и Клементина Зенькевич («Фиалка») [19, с. 85]. Во 2 компании «Молния» санитарками стали Ирэна Павлас («Резеда») и Ирэна Гаевска-Малиновская («Аня») [19, с. 87], в 3 компании «Гром-Прыжок» – Луция Марецкая («Луцина»), Тереза Вуйчик («Терезка») и Хелена Хабер («Хелена») ¹⁷ [2, т. 3, с. 68].

В рамках батальона «Скала» действовал также Специальный взвод в составе: командир – Зыгмунд Кавецкий («Марс»); заместитель командира – Збигнев Чижевич («Мишка II») (до сентября 1944 г.) и второй заместитель командира – Казимеж Лорыс («Завала») (также до сентября 1944 г.) [19, с. 83].

Кроме того в состав входили: Н.Н. («Тихая Вода»), Зигмунд Лис («Эльказэт»), Рышард Винэк («Фелюш»), Станислав Майевский («Май»), Ян Кахель («Мотылек»), Тадэуш Кэнджелский («Роберт»), Владимир Радейкий («Розга»), Целестын Нагечь («Сас») [14, с. 56–57]. В сумме одиннадцать человек (после отхода З. Чижевича в сапигневские леса осталось в специальном взводе фактически десять человек). С этим взводом С. Шуман участвовал в битве с немцами под Садками возле Мочидла 30 августа 1944 г. как врач и санитар, перевязывая на поле боя одного из солдат взвода (раненого во время боя).

В связи с операцией «Буря» Збигнев Чижевич останавливался на квартирах АК «в лесу» в Меховске вероятно уже с середины июля 1944 г., а С. Шуман, будучи квалифицированным врачом АК батальона «Скала», находился в лесах возле Мехова до 1 августа 1944 г. По словам непосредственного свидетеля этих событий, солдата АК компании «Молния» – Кшиштофа Сливинского («Кмичиц»), – Шуман служил в батальоне уже с середины июля 1944 г. в местностях Сломник и Мехова [7, с. 89].

Что касается даты похода «в лес», то сам Шуман (вопреки тому, что писал свидетель тех боев Кшиштоф Сливинский) вспоминал о дате «после» 1 августа 1944 г., а не «до». В своих воспоминаниях о деятельности в АК, Шуман писал в 1964 г.:

«На протяжении тех последних лет (войны) я принадлежал к движению сопротивления, присоединившись к одному из партизанских отрядов (батальона «Скала»), где исполнял функцию батальонного врача. Я лечил больных и перевязывал раненых в лагерьях в лесу либо у хозяев в селе, куда их привозили.

¹⁷ В библиографии к упомянутой книге Р. Нушкевича псевдоним «Miś P» расшифрован ошибочно, будучи приписан Чеславу Шигальскому. Однако из воспоминаний Г. Чижевич известно, что этот псевдоним был у ее мужа Збигнева. Дело усложняется также присутствием в группе третьего солдата, носящего псевдоним «Miś», Веслава Запаловича. Трудно теперь привязать конкретные лица, которые пользовались этим псевдонимом, к описанным в воспоминаниях и документах событиям.

За эту партизанскую деятельность во время оккупации я был в 1961 г. награжден Партизанским Крестом. В батальоне «Скала» я находился только после активизации варшавского сопротивления. Весь предыдущий период я жил в селе Любожицы и оттуда я приходил к раненым или больным солдатам из движения сопротивления» [2, т. 3, с. 66].

Г. Чижевич предполагает, что в 1944 г. «возможно, именно в Легионовку (поселок в Гошицах) ходил мой Папа перевязывать раненых как хирург?», и добавляет:

«Был такой поселок за гошицким лесом – назывался Легионовка, т. к. там после Первой мировой войны поселились легионеры, которые получили землю в собственность от наследницы из Гошиц (Мимы Завишины из долины Вольской либо ее дочери Зофии Завишанки (Зофии Керн) – М.Т.). И, собственно, те хозяева присоединились к конспиративной деятельности во время Второй мировой войны; они предоставляли убежища скрывавшимся и беженцам, принимали раненых, оказывали любую помощь» [2, т. 3, с. 64, 71, 88, 99–10, 103, 116].

К знакомым с Шуманами солдатам батальона «Скала» принадлежали: госпожа Мария Гошинская из Петрейовиц («Мария»), Генрик Плечинский («Парадонь») (сначала, с мая 1944 г., в отряде «Прыжок», затем в группе «Гром-Прыжок, родственник С. Шумана) [119, с. 23, 86]; Ежи Шредер («Покорны») в группе «Молния»¹⁸ [144, с. 88] (записан в работах также как Ежи Шредер Schreder, после войны – проф. химии во Вроцлаве [19, с. 88]), Ян Юзеф Щепанский («Рьотр»), Кшиштоф Сливинский («Кмичиц») (с осени 1943 г. в отделе «Молния», затем в группе «Молния»); Данута Вольская («Лесная») (в замужестве Щепанская, жена литератора Яна Юзефа Щепанского); Юлиуш Вольский («Молоток») из группы «Гром-Прыжок»; Мартин Вольский («Мартин»).

Согласно свидетельству батальонной связной Дороты Гиртлер,

«[...] Во время войны Шуман по возможности рисовал в Петрейовицах, в Вилкове (Джеменжице). [...] Был в Поляновицах, находясь у Клещинских. Там был санпункт, пункт связи, тайное обучение, склад амуниции и оружия. Шуман бывал, о чем я знаю от друзей и Оленки Янкович (дочери г. Кобаса, администратора из Поляновиц, которого застрелило УВ), в следующих местностях: Джеменжице, Поляновице, Вилкове. Я видела С. Шумана в Петрейовицах. Он был там перед Золотым Потокком (перед 11 сентября 1944 г), вероятнее всего, в августе и сентябре (1944 г)» [2, т. 3, с. 69].

Майор С. Шуман, при посредничестве АК-овских связных, передавал письма семье, подписанные псевдонимом. В тех письмах пар-

¹⁸ Информация передана по телефону автору этой статьи Д. Щепанской (из Вольских) псевд. «Лесная» 4 февраля 2003 г. Свидетель не помнит дат из периода войны.

тизанские бои называл для конспирации «Оздоровительным отпуском». В качестве примера можно привести фрагменты:

«Морово проходит оздоровительный отдых [...]. Часто мыслями я с вами и в воображении играю в червей, бренчу на рояле, пишу книги, хотя мое внимание обращено на другие вещи. Сны вижу чаще приятные и от всего сердца обнимаю мою доченьку (Гражину Шуман), Ясю (Зофью Шуман), Бабушку (Аморо), Марыхну (Марию Козловскую из д. Аморо) и вас всех Любимых. Лукаш» [2, т. 3, с. 69].

Были также общие письма к родным, которые писали из места пребывания отдела АК в лесу, например:

«Дорогая Яська! Доченька любимая! Благодарю за все. Искренно обнимаем из Есть хорошая погода и приятно страшно. Мыслями всегда с вами. Ваш Флис. – При возможности прошу выслать табак к люльке. Мишка (Збигнев Чижевич). – Много сердечности. Порадонь (Генрик Плечинский). Благодарю страшно за посылку. Обнимаю тетю Анджэ (Вольскую из Перепельник) от ее первородного (Марчина Вольского из Перепельник), также от себя всех любимых. Лесная (Данута Вольская, в замужестве – Щепанская)» [2, т. 3, с. 69–70].

В отряды в лесу поступало снабжение из любожицкой усадьбы. Команду отряда АК составляли в большем количестве земляне или землевладельческие гости из окрестных усадеб (Любожица, Гошици).

Батальон АК «Скала» участвовал в операции «Буря» по рекомендации Кедыва, с батальоном «Скала» майор С. Шуман пробирался через леса Мочидла под Садками до Ксьонжова Великого и к Золотому Поток.

30 августа 1944 г. под Садками Шуман вместе со Специальным взводом батальона «Скала» принимал участие в столкновении с немцами. Майор сопровождал в битве своего будущего зятя Збигнева Чижевича. Описание храбрости Шумана сохранилось в записках Чижевича, тогдашнего заместителя командира Специального Взвода, и одновременно командира отдела в атаке на немцев (взвод был частью большой операционной группы):

«В битве под Садками я командовал специальным отделом в несколько человек. Этот отдел был вооружен зажигательными бутылками. Я имел револьвер типа Смит-Вессон [...]. Непосредственно от “Скалы” (майора Яна Паньчакевича) я получил приказ организовать засаду на немецкие машины на полевой дороге до Крешовки. Я собрал свой отдел и потом, понимая, что выполнение нашего связано с огромным риском, хотел попрощаться с “Флисом”, отцом моей невесты. Я застал его склонившегося возле раненого друга и занятого перевязкой [...]. Вокруг нас продолжалась перестрелка, и пули летели так густо, что листья сыпались на нас [...]. Я искренне поздоровался со старшим господином с очень выпуклым животом, который вообще не обращая внимания на то, что вокруг происходит, с невозмутимым спокойствием перевязывал раненного» [2, т. 3, с. 70].

Приблизительно во второй половине августа 1944 г. С. Шуман проведаль усадьбу в Слупове возле Дзялошиц (в Нецце Нидзянской в Келецке). В слуповской усадьбе хозяйствовали, в рамках немецкого Легеншафту, выселенные из Великопольши Ян и Станислава Крашковские (дальние родственники Шумана). По словам Крашковской, дело было так:

«Не забуду, как когда-то ночью, т. к. партизаны приходили только ночью, сторож постучал в окно и закричал “хозяева пришли”! Была такая хитрость, что когда он кричал “хозяева”, то мы знали, что это АК, а когда кричал “войско”, было не известно, кто идет, поскольку это могли быть и банды и БС (Батальоны Сельские) и другие. Так вот, тогда мы встаем с Янком (Яном Крашковским) и открываем двери – входит дядя Стефан (Шуман) и докладывает: я доктор Флис. Большая радость!» [2, т. 3, с. 70].

Пребывание С. Шумана в Келецке, вероятнее всего, во второй половине августа 1944 г., свидетельствует о возможном ожидании подкрепления сил отрядов с целью возможного прорыва к Варшаве на помощь воюющей столице.

Гражина Чижевич датировала «последнюю карточку» С. Шумана «из партизанки» периодом «более-менее приблизительного времени» [2, т. 3, с. 70]. О том, что письмо написано, например, в конце августа или в начале сентября может свидетельствовать ощущение медленно текущего времени для С. Шумана, который уже тосковал по родным, т. к. тяжело переносил долгие разлуки и пребывания вне дома. Майор Шуман написал тогда со своего места пребывания жене и дочке:

«Яську (Зофья Шуман) самый милый, Гражинushка самая любимая. Я очень рад, что у вас будут самые свежие и полные новости обо мне. Кроме того, что еще Вам сказать, что без Вас я уже очень долго и что сейчас прохожу для разнообразия школу терпения. Даже кажется, что дорываюсь до фортепиано и немножко бренчу, здесь и там немножко читаю, но это бесполезное дело. Также тоскую по музыке, науке и Вам, и ожидаю изменений в моей жизни. Посылки получил и очень обрадовался вашему письму [...]. Прощаюсь с Вами, мои Дорогие невесты, до лучших времен и крепко целую. Лукаш» [2, т. 3, с. 71].

Из письма видно, что в партизанских боях в составе Армии Крайовой в то время он не принимал участия, поскольку посвящал время искусству, то есть фортепиано, и учебе. Из контекста можно сделать вывод, что ученый получал снабжение из Любожици от жены и дочки, это значит, что адрес был известен (по крайней мере связным) и в определенной мере был постоянным.

Что касается времени с начала сентября 1944 г., то, по мнению автора этой статьи Д. Щепянской (из д. Вольской), С. Шуману помогали две санитарки: собственно Данута Вольская и пани Мария Го-

шинскую¹⁹. Согласно вышесказанному, С. Шуман с этими санитарками (подучными медсестрами) остался с раненым партизаном в заброшенной хозяевами и запустевшей усадьбе в Зарышине (возле Мехова), где они его перевязывали, и поэтому не могли догнать свой батальон, который пробивался до Ченстоховы и был полностью разбит немцами под Золотым Потоком (прибл. 27 км. на южный восток от Ченстоховы) 11 сентября 1944 г. Батальон планировал пробиться дальше, чтобы придти на помощь Варшаве, но после разгрома это уже было невозможно (принимая во внимание факт плотного прикрытия столицы немецкими войсками). Батальон «Скала» после такого поражения в принципе прекратил свои военные действия в этом районе.

По словам Дануты Гиртлер, в столкновении под Садками был ранен в руку «Крыяк» – Тадеуш Августыняк [16, с. 21, 45–46, 60, 87, 98–100, 103, 151]²⁰ (из 1 компании «Ураган», 1 взвода, 3 команды), которого отправили в усадьбу в Зарышин. В другом месте Гиртлер написала, что Шуман после битвы под Садками остался с тяжело раненым «Дубравой», то есть Збигневом Гертыхом [16, с. 125] в полевом госпитале в Зарышине. Рышард Нушкевич пишет, что под Садками «тяжело был ранен в легкие и позвоночник “Дубрава” (Збигнев Гертых),

¹⁹ Тадеуш Августыняк, псевд. «Kryjak» во время Второй мировой войны воевал в Силезском Легионе, потом в группировке «Ураган» и Партизанском Батальоне, «Скала», после войны – архитектор и реставратор памятников, связанный с Варшавой и Люблином.

²⁰ Д. Франашкова в указанной работе сообщила о Збигневе Гертыхе: «Гертых Збигнев псевд. «Czarny», «Dąbrowa», род. 26.10.1922 г. в Познани. [...] В 1939 г. добровольно вместе с группой скаутов воевал с Германией в «Kotłе Kutnowskim» («Кутновском Казане»). В ноябре 1939 г. вступил в организацию, под названием «Wojsko Ochotnicze Ziemi Zachodnich» («Добровольные Войска Западных Земель»). В июне 1940 г. был арестован и посажен в тюрьму, расположенную в Forcie VII (Форт VII) во Вронках, потом переведен в Берлин в лагерь Zwickau. 15 августа 1942 г. убежал из лагеря в Zwickau и под фамилией «Грохольски» работал в Кракове в Институте исследования тифа. Здесь вступил к ZWZ-AK. В 1943 г. прошел тайную аттестацию, в этом же году закончил военное училище и начал учебу на тайном Аграрном Факультете ЯУ. В июле 1944 г. во время перевозки мундиров был арестован. Убежал, прикрываемый патрулем ОР «Молния». Потом был назначен в ОР «Гром», а позже в SBP «Скала». В битве под Садками был тяжело ранен в позвоночник. После 1945 г. отбывал лечение, скрываясь. После 1945 г. закончил учебу на Аграрном Факультете ЯУ, потом получил степень доктора. После II войны – профессор земледелия, член ПАН. З. Гертых был масоном, политиком, депутатом в Сейме PRL (несколько каденций), вице-премьером в правительстве Збигнева Месснера, умер 4 июля 2008 г. О деятельности З. Гертыха (Грохольского) в Батальоне «Скала» написал также «Бонько» – см.: [19, с. 21, 45–46, 60, 87, 98–100, 103, 151].

отбит у Гестапо “Молнией” в июле 1944 г. под Тарнавцем. “Крыяк” (Гадеуш Августыняк) был ранен в предплечье» [Цит. по: 2, т. 3, с. 70].

По словам Гражины Чижевич, Шуман вернулся в усадьбу Любожицы в начале сентября 1944 г., это означало, что он пробыл «в лесу», в партизанке АК, около пяти или шести недель (так как считается, что он пошел в лес после 1 августа 1944 г., то есть после восстания Варшавского сопротивления) [2, т. 3, с. 71]. Из сравнения этих свидетельств можно сделать вывод, что датой возвращения Шумана было, приблизительно, 11 сентября 1944 г. (либо позже), поскольку в тот день состоялась золотопотоцкая битва [20, с. 620–662].

3. Чижевич, будущий зять ученого, не вернулся с «партизанки», так как С. Шуман и дальше оставался «в лесу», в рамках операции «Буря» АК, но на этот раз в Штурмовом батальоне № 1003 в Санцигневских лесах (лесах вблизи Санцигнева и Дзялошиц в Гарбе Водзыславском в Келецке), где был заместителем командира отряда (а потом командиром) [2, т. 3, с. 72]. Осенью 1944 г. он квартировался также в Слупове в усадьбе Яна и Станиславы Крашковских [2, т. 3, с. 73], а в составе конспиративных структур АК «в лесу» пробыл аж до января 1945 г. [2, т. 3, с. 81]. Осенью 1944 г. или ранней зимой 1944/1945 гг. осуществлял подготовку русских партизан, выдающих себя тогда за советских военнопленных, якобы сбежавших из немецких лагерей [2, т. 3, с. 76]. Однако, на самом деле это были русские солдаты (НКВД), переброшенные в качестве диверсантов через фронт в тыл немецких войск, имея задание рассекретить структуры отделов АК с целью дальнейшей их дестабилизации и ликвидации. Этот факт, вероятнее всего, отразился на аресте З. Чижевича НКВД в 1945 г. в Кракове.

Шуман и беженцы Варшавского Сопротивления (1944)

После подавления немцами варшавского сопротивления, осенью 1944 г., много варшавян спряталось под Краковом, при этом они гостили и в сельских усадьбах (любожицких и гошицких). Немцы с осени 1944 г. немного смягчили террор по отношению к полякам. После периода вооруженных боев АК в подкраковских окрестных усадьбах конспиративная научная и культурная жизнь опять начала интенсивно развиваться в последнем квартале 1944 г., обогатившись «варшавским элементом» (то есть изгнанниками (повстанцами) из столицы). Профессор С. Шуман встречался с представителями творческой интеллигенции из Варшавы и с некоторыми из них вел научные дискуссии, например, в Любожице. Существуют некие неожиданные сходства некоторых фрагментов в тогдашних «военных» работах С. Шумана (Природа, личность и характер человека) и Владислава Татаркевича (О счастье). Гражина Чижевич писала:

«В любожицкой усадьбе поселились также супруги Татарковичи. [...] Уважаемые профессора ведут длинные дискуссии. Татаркович читает нам отрывки из своей новой работы “О счастье”, а мой Отец фрагменты из своей “Характерологии” (“Природа, личность и характер человека” – М.Т.), в которой тоже поднимается вопрос счастья. Становится очевидно, что эта тема требует осмысления. Лектором бывает также и мой Збышек (Збигнев Чижевич), который иногда забегает к нам “из леса” (то ест из-под Санцигнева)»²¹ [2, т. 3, с. 72].

Как беженец из разрушенной Варшавы, вместе с родителями в эти места (не в Любожицу, но в соседние Гошицы) прибыл молодой Кшиштоф Татаркевич. Проживал он там осенью 1944 и ранней зимой 1944–1945 г. Бывал в любожицкой усадьбе, где мог встретить Стефана Шумана.

До сих пор не описаны контакты профессора с литератором Ежи Анджеевским, который находился в гошицкой усадьбе осенью 1944 или ранней зимой 1944–1945 г.

31 декабря 1944 г. В Гошицах состоялся конспиративный костюмированный новогодний бал, в котором принимали участие не только около 30 гошицких семей, но также и гости из окрестных дворов, в том числе Стефан Шуман со своей дочкой Гражиной, которая вспоминала, что на этом событии присутствовала местная АК-овская среда (действующие солдаты АК), а также беженцы из Варшавы:

«На костюмированном балу, который состоялся там в новогоднюю ночь на переломе 1944–1945 гг., – а значит на переломе эпох – запомнила, среди многих других, виленского поэта Чеслава Милоша с женой (Яниной Милош – М.Т.) и философа – психолога Мечислава Хойновского. Также и партизан – писателя Яна Щепанского (Ян Юзеф Щепанский (“Петр”) откуда-то пришел на гошицкий Новый год). Врезался в память (Чеслав) Милош, когда танцевал с сестрой Яся (Яна Юзефа Щепанского), мой отец, как тибетский Лама, и наша красивая Люся (Павловская) в удивительном канкане. [...] Ян Щепанский этот Новый год описал в одном из своих рассказов.

Тогда танцевали впервые с начала войны. [...] Мы себя чувствовали накануне великого перелома, на границе эпох» [2, т. 3, с. 77].

Согласно информации, которую получил автор этой статьи от жены Я.Ю. Щепанского, в рассказе «Конец легенды» Стефан Шуман появляется без подпольного псевдонима, анонимно, как это определила Д. Щепанская: «такой толстяк, который дурачится». Шуман не особо выделялся в рассказе среди героев-партизан, ведущих между собой горячие дискуссии. А дискуссии тогда в Гошицах вели варшавяне (беженцы Варшавского противостояния), из местной краковской ин-

²¹ Речь идет о рассказе «Конец легенды», где, например, Чеслав Милош выступает как Wielgosz; героев рассказа расшифровал Анджей Суликовски из Католического Университета в Люблине. Информация получена от М. Смочинского из архива Ежи Туровича в Кракове в мае 2005 г.

теллигенции [2, т. 3, с. 78]. Согласно рассказу Г. Чижевич, получается, что ее отец в то время встретился с Чеславом Милошем, Ежи Анджеевским и Мечиславом Хойновским. Можно сказать, что операция «Буря» в этом случае закончилась для ее участников бурей дискуссий по поводу самой операции и ее существенного элемента – Варшавского сопротивления.

Последствия операции «Буря» (1945)

Краков был оккупирован советскими войсками 18 января 1945 г., и приблизительно в это же время Шуман столкнулся с русскими в Любожице под Краковом. По словам Г. Чижевич:

Фронты передвигались. Какую-то ночь мы провели в подвале на сене. Потом любожицкая усадьба заполнилась советскими войсками. Мы ночевали все вместе, вповалку, как попало, под разными одеялами, куртками, попонами. Збышек (Чижевич) тогда уже был с нами. Спустя несколько дней мы пошли пешком в Краков, поскольку узкоколейка (коцмижовская) не работала [2, т. 3, с. 81].

19 января 1945 г. по приказу Леопольда Окулицкого («Медведь») была распущена Армия Крайова: тем самым, Шуман и Чижевич перестали формально быть действующими солдатами АК. До этого времени Шуман вместе с семьей находился в Любожице. Можно приблизительно указать дату вышеупомянутого перехода семьи Шуманов на дистанцию около 20 км из Любожицы – 20 января 1945 г. Пешее путешествие на этом расстоянии занимало не менее 5–6 часов в условиях зимы. После вторжения большевиков в Краков Шуман сразу же вернулся на работу в Ягелонский университет. Как следует из неопубликованной записи № 1433/47, датированной февралем 1945 г., которой ректор ЯУ профессор, доктор Францишек Ксавер Вальтер обращался к Шуману, последний «после перерыва, связанного с войной, с 20 января 1945 снова приступил к своим служебным обязанностям в ЯУ [21, с. 27–28].

20 января 1945 г., или в день, когда С. Шуман вышел на работу в ЯУ, промосковский коммунистический Временный Совет издал пропагандистский манифест, в котором было написано следующее:

«В то время, когда на освобожденных землях Польши кипит творческая работа, эмиграционный “совет” в Лондоне [...] старается навредить Польше. [...] Когда польский народ истекал кровью [...] во время борьбы с немцами, при участии АК – мордовали наилучших сынов польского народа, солдат Народной Армии. По отношению к врагам Польши Совет незамедлительно примет строгие меры» [2, т. 3, с. 78].

После 20 января коммунисты незаконно забирали имена у землевладельцев в Любожице, Гошицах, Вилкове и Лучицах. Селян изго-

няли из своих полноправных вотчин [2, т. 3, с. 80–81]. Шуманы не были свидетелями этих событий, поскольку уже находились в Кракове.

20 января 1945 г. Гражина Шуман и Збигнев Чижевич переехали в довоенную, служебную квартиру Шуманов на ул. Словацкого 15, которая в начале сентября 1939 г. после вторжения немецких войск была реквизированной оккупантами вместе с другими квартирами и домами в этом районе города. Пани Чижевич квартиру застала в таком состоянии:

«Там стоял январский мороз, т. к. оконные стекла вылетели во время движения фронта через Краков. Квартира была загроможденная, мебель передвинута – но ничего не пропало! Оказалось, что портреты Виткация и другие ценные картины торчат, сложенные в каком-то ящике вместе с сундуками, наполненными старыми письмами и семейными альбомами. Даже хрусталь, стоявший в серванте, оказался нетронутым.

То, что мы снова обрели нашу мебель и семейные ценности, было совершенно исключительным фактом. [...] Мы пришли к выводу, что, очевидно, в нашем доме жили офицеры Вермахта, которые могли быть вполне порядочными людьми» [2, т. 3, с. 81].

В то время, когда Збигнев Чижевич жил в Кракове на ул. Гжегожецкой в доме своей матери, а Гражина Шуман – в семье Квятковских, Стефан и Зофья Шуман продолжали и дальше жить в Любожице (вернулись на короткое время в село из-за отсутствия жилищных условий в краковском университетском заведении на ул. Словацкого, 15). По словам Г. Чижевич, Шуманы окончательно переехали из Любожице в Краков 4 февраля 1945 г.:

«Однако родители не хотели возвращаться в большую пятикомнатную квартиру на Словацкого. Вырисовывалась возможность получить меньшую квартиру в доме, который получил Университет для работы и обучения на ул. Пилсудского (13) [...]. Получение новой квартиры родителями должно было наступить очень скоро, поскольку Збышек (Збигнев Чижевич) уже успел организовать переезд из Словацкого [...] (в дом на ул. Пилсудского 13 в Кракове – М.Т.)» [21, с. 28]

4 февраля 1945 г. началась ялтинская конференция в Крыму, на которой западные союзники передали Польшу во владение Советскому Союзу. В этот же день в Кракове произошло другое событие, важное для семьи С. Шумана. Эта дата является очень важной, поскольку дело касалось не только будущего зятя Шумана – З. Чижевича, но также опосредованно повлияло на семью Шуманов, пребывавших еще в Любожице [2, т. 3, с. 81]. 4 февраля 1945 г. новобрачные Гражина Шуман и Збигнев Чижевич, планировавшие свой брак в академическом колледжуме св. Анны в Кракове, согласовали его дату на 13 февраля [2, т. 3, с. 81–82]. Но события разворачивались совсем иначе, чем это планировали молодые люди, поскольку советские службы проводили

спецоперацию, направленную против польских патриотов из АК (и других антикоммунистических организаций). Молодой Чижевич вместо брачного ложа попал в советский лагерь.

Согласно мнению Г. Чижевич события получили такой оборот:

«4 февраля 1945 по дороге к квартире мамы Чижевич на ул. Гжегожецкой Збышек был опознан и арестован патрулем советских солдат в гражданском, которых обучал (осенью 1944 г в Санцигневе в Келецке) во время партизанской деятельности как якобы сбежавших из немецкого плена. [...] Я помню, что в последний момент он хотел отдать свое обручальное кольцо, памятное кольцо моего Отца (Стефана Шумана), я же не хотела его принять – там на улице – трактуя это как плохую примету. Кольцо сразу же отобрали у Збышка (русские должностные лица НКВД).

Я старалась отыскать Збышка, но было уже поздно. В тюрьме на Монтелюпих (в Кракове) дежурный советский офицер (не польский, хотя мы были уже «освобождены») сказал мне с милой улыбкой, что они не знают ни о каких арестах и что у них нет никакого Збигнева Чижевича. Как выяснилось позже, Збышек сидел в Монтелюпих на протяжении целого месяца (февраль 1945 г.) в крайне тяжелых условиях. Потом его вывезли на восток вместе с группой арестованных в то же время поляков, которые действовали во время немецкой оккупации в подпольях и в партизанских отделах Армии Крайовой» [21, с. 28].

Конец операции «Буря» был для многих солдат АК трагическим. Чтобы представить себе тогдашние угрозы для бывших солдат (при этом и для С. Шумана), стоит хотя бы ознакомиться с фрагментами Инструкции Публичного министерства безопасности, направленной воеводским органам УВР: «а) распад АК считать фиктивным, б) надо сменить методы борьбы с АК, которую с этого времени считать оппозиционной и антидемократичной, в) в настоящей фазе эта борьба должна быть беспощадной» [21, с. 28–29]. В изданном в то время Политическом словаре для солдат АК можно было прочитать такую ложь: «Сражаясь с демократической страной, АК перешла к фактическому сотрудничеству с немцами» [21, с. 29], на улицах городов появились пропагандистские плакаты авторства Владислава Закревского «АК – заплеванная карлика реакции» [2, т. 3, с. 82].

С. Шуман как солдат Армии Крайовой был под внимательным наблюдением агентов Совета Безопасности (за ним следили с 1945 г.), тем более, что его будущий зять уже был арестован. Война еще продолжалась, господствовал коммунистический русский террор.

После 7 марта 1945 г. Мария Чижевич на ул. Гжегожецкой в Кракове получила от неизвестного железнодорожника найденный на путях в Денбице кусочек смятой бумаги для упаковки, с обеих сторон исписанный карандашом. Содержание записки было следующим: «Того, кто найдет эту карточку, мы просим сообщить нашим семьям по следующим адресам, что обвиняемые в принадлежности к Армии

Крайовой, вывезены 7.03 (1945 г.) из Монтелюпих, мы едем на восток. Адреса с другой стороны. Бог воистину воздаст!» [2, т. 3, с. 83].

С. Шуман в то время скрывал от официальных коммунистических властей, что во время Второй мировой войны был офицером АК. Похищение будущего зятя, его переброска в Советский Союз и вездесущность коммунистических филеров в Польше, оккупированной Красной Армией, сделали Шумана очень осторожным. Шуманы были подавлены арестом Чижевича НКВД, сам Шуман в этом вопросе был пессимистом [2, т. 3, с. 82–83, 134].

До 4 февраля 1945 г. Шуманы жили в служебной квартире ЯУ на ул. Пилсудского, 13 на третьем этаже (и там остались аж до 1969 г.). Весной 1945 г. приехал в Краков Станислав Миколайчик, антикоммунист, уполномоченный лондонским правительством выступить перед марионеточными коммунистическими властями в Польше от имени Польского Правительства в Эмиграции. Гражина Шуман разговаривала тогда с Миколайчиком по делу освобождения Чижевича, арестованного Советами:

«А в Кракове разгар весны 1945 и сенсация – приезжает (Станислав) Миколайчик! Говорят, что он ведет переговоры по делу освобождения интернированных в Советский Союз. Я иду к нему спросить и попросить о (вмешательстве в освобождении) Збышка и других. Но фамилии интернированных не раскрыты, местопребывание их тоже не известно. Возможна только общая интервенция, анонимная. Разумеется, не всех, хотя бы незначительную часть вывезенных на Восток, которых можно было бы освободить, скорее с целью пропаганды. Однако мне немного легче на сердце от того, что я попала к Миколайчику!» [2, т. 3, с. 86].

Трудно утверждать, что освобождение Чижевича было заслугой Миколайчика, но известен факт, что 4 августа 1945 г. будущий зять Шумана появился в Кракове «вшивый, обессиленный, опухший от голода» [2, т. 3, с. 86]. Со слов, сказанных репрессированным Збигневом Чижевичем и записанных Гражиною Чижевич, он был захвачен коммунистическими спецслужбами НКВД и вывезен в Советский Союз за то, что был солдатом АК. В сохранившемся отчете советских репрессий есть такие сведения:

«Они ехали на Восток в марте (1945 г.) две недели, в закрытых товарных вагонах, в холоде и голоде. Иногда им в вагоны кидалось незначительное количество пищи, за которую потом шла борьба. Збышек с самими близкими друзьями старались справедливо разделить эти крохи. Те, кто ехали вместе с ними, умерли по дороге. Их вывезли в Донецкий бассейн, в лагерь в Алчевске. В период первых трех месяцев (до начала июня 1945 г.) половина из них умерла. Замерзшие останки вывозили каждый день в общую яму в степи за лагерь. И это все без побоев и издевательств – только от голода, тоски, холода и болезней. Збышек не сдавался. [...] Вместе с Анджеем Хопфем пытались убе-

жать. Они выбрались через несколько рядов проволоки, но в степи их выследили дети-пастухи, которые перегоняли их, забрасывая камнями, от стада к стаду – пока в конце они были пойманы и очутились в каком-то отдаленном лагере, одном из тысяч. Потом они старались вернуться в Алчевск, чтобы не погибнуть в этом неизвестном мире. После возврата в лагерь (в Алчевск) Збышек получил в наказание несколько дней «холодной», то есть заключения в залитом водой подвале, только на хлебе и воде. Однако выдержал и это. По прошествии какого-то времени поляки из Алчевска были освобождены всей группой, возможно в результате интервенции Миколайчика, в пропагандистском порядке?» [2, т. 3, с. 87].

Побег Чижевича и Копфа из Алчевска происходил, вероятно, в июне либо июле 1945 г.

4 августа 1945 г. он вернулся в Краков, а 14 числа этого же месяца в академическом колледжуме св. Анны в Кракове состоялся брак Гражины Шуман и Збигнева Чижевича, в переполненном костеле, в котором собрался «цвет тогдашней “черной реакции”», то есть Армии Крайовой, участников операции «Буря». Свидетелем на браке был Станислав Седлецкий [2, т. 3, с. 87]. Из академического колледжума св. Анны молодые новобрачные поехали в дом родителей невесты на ул. Пилсудского, 13, где Стефан и Зофья Шуманы встретили их с хлебом и солью. Роль хозяйки дома помогала исполнять Данута Вольская (Щепанская) [2, т. 3, с. 88]. Через несколько дней после свадьбы, то есть в середине августа 1945 г., Гражина и Збигнев Чижевич выехали на Побережье, где и поселились.

Только с возвращением З. Чижевича из лагеря в Краков закончилась для Стефана Шумана и его семьи военная эпоха, эпилог «Бури».

Список использованных источников

1. Tytko M.M. Stefan Szuman – lekarz i uczestnik czynu niepodległościowego (1919–1920) / M.M. Tytko // *Druga Rzeczpospolita z morzem w tle. Księga pamiątkowa poświęcona Profesorowi Romanowi Wapińskiemu*, red. nauk. A. Drzewiecki, E. Koko. – Gdańsk–Gdynia, 2010. – S. 310–324.

2. Czyżewicz G. *Opowiadania rodzinne. Wybór listów i pamiętników rodzinnych. Opracowała i opatrzyła słowem wiążącym Grażyna z Szumanów Czyżewiczowa w latach 1985–1990* / G. Czyżewicz. – T. 1–3. – Warszawa, 1995.

3. Archiwum UJ. Teczka osobowa Stefana Szumana, sygn. S II 619. Zob. także: Archiwum UAM w Poznaniu, Akta habilitacji S. Szumana (1927) w Uniwersytecie Poznańskim, Curriculum vitae. – S. 2.

4. «Rocznik Polskiej Akademii Umiejętności» 1938–1939. – [wyd. 1945]. – S. XXXI i 149.

5. Sajewicz J. *Głos mają sieroty: życie i działalność wielkiego opiekuna sierot Henryka Antoniego Szumana proboszcza Starogardzkiego zamordowanego w*

Fordonie w 1939 r. / J. Sajewicz. J. – Londyn: Biblioteka Polska. Seria Niebieska, 1985. T. 30; Milewski J. Książd Prałat Antoni Henryk Szuman, męczennik za wiare i ojczyznę. Przyczynki do życiorysu / J. Milewski. – Starogard Gdański, 1994. Por. także: Mross H. Szuman Henryk Antoni / H. Mross // Słownik biograficzny kapłanów Diecezji Chełmińskiej wyświęconych w latach 1820–1921. – Pelplin, 1995. – S. 324–325.

6. «Nasz Dziennik». – 2003. – № 17 (IX).

7. Szuman S. Wspomnienia z 35 lat działalności w Uniwersytecie Jagiellońskim / S. Szuman // «Życie Szkoły Wyższej». – R. 12. – 1964. – Nr 4. – S. 65–93.

8. Szewczuk W. Dzieje psychologii w Uniwersytecie Jagiellońskim W. Szewczuk // Studia z dziejów Wydziału Filozoficzno-Historycznego Uniwersytetu Jagiellońskiego / red. S. Mikucki. – Kraków, 1967. – 398 s.; Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. – Nr. 129. Prace Historyczne. – Z. 16.

9. Kuncewicz P. Obertyńska Beata P. Kuncewicz // Leksykon polskich pisarzy współczesnych. – T. 2: N–Ż. – Warszawa, 1995. – S. 46–47.

10. Gawęda S. Uniwersytet Jagielloński w czasie II wojny światowej 1939–1945 / wyd. 2 popr. i poszerz. / S. Gawęda. – Kraków, 1986. – S. 125–199. Por. także: Henryk Barycz // Alma Mater w podziemiu. Kartki z dziejów tajnego nauczania w Uniwersytecie Jagiellońskim 1941–1945 red. M. i A. Zarębowie. – Kraków, 1964. – S. 284–285; Smoleńska A. Filozofia ścisła, pedagogika, psychologia / A. Smoleńska // Ne cedat Academia. Kartki z dziejów tajnego nauczania w Uniwersytecie Jagiellońskim 1939–1945, wyb. i oprac. M. i A. Zarębowie. – Kraków, 1975. – S. 204–211.

11. Barycz H. Uniwersytet Jagielloński w życiu narodu polskiego / H. Barycz / wyd. 2 zm. i rozszerz. – Kraków – Warszawa – Wrocław, 1964.

12. Szuman S. O kunszcie i istocie poezji lirycznej / S. Szuman. – Łódź–Toruń, 1948.

13. S. Szuman // «Miesięcznik Literacki». – 1943. – T. II-III. – S. 1–3 (artykuł niepodpisany).

14. Śliwiński K. Materiały z Akademii poświęconej pamięci Profesora Stefana Szumana / K. Śliwiński // «Zagadnienia Wychowawcze a Zdrowie Psychiczne». – 1974. – S. 56–57.

15. Sierotwiński S. Kronika życia literackiego w Polsce pod okupacją hitlerowską w latach 1939–1945 / S. Sierotwiński. – T. 1. – Kraków, 1988.

16. Franaszkowa D. Sylwetki żołnierzy Batalionu «Skała» Armii Krajowej / D. Franaszkowa. – Kraków, 1996.

17. Szuman S. Psychologia wychowawcza wieku dziecięcego / S. Szuman. – Warszawa, 1946. – S. [I] (karta wklejona pomiędzy stroną 16 i 17).

18. Rutowska M. Straty wśród pisarzy polskich (literatów, publicystów, dziennikarzy, redaktorów) w czasie II wojny światowej i okupacji hitlerowskiej 1939–1945 / M. Rutowska, M. Serwański. – Warszawa, 1980.

19. Rozmus W. W oddziałach partyzanckich i Baonie «Skała» / W. Rozmus. – Kraków, 1987.

20. Sancygniów // Słownik geograficzno-krajoznawczy Polski / wyd. 2 zm. – Warszawa, 1992. – S. 620–662.

21. Cyt. za: Fik M. Kultura polska po Jałcie. Kronika lat 1944–1981 / M. Fik. – Londyn, 1989.